

НИКОЛАЙ ПРОКУДИН

РЕЙДОВЫЙ
БАТАЛЬОН

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25 АСТИНО
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОРПУСА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Николай Прокудин
Рейдовый батальон
Серия «Горячие точки. Документальная проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6089352
Рейдовый батальон. Документальная проза.: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04556-0

Аннотация

Автор изображает войну такой, какой ее увидел молодой пехотный лейтенант, без прикрас и ложного героизма. Кому-то эта книга может показаться грубоватой, но ведь настоящая война всегда груба и жестока, а армейская среда – это не институт благородных девиц... Главные герои – это те, кто жарился под палящим беспощадным солнцем и промерзал до костей на снегу; те, кто месил сапогами грязь и песок по пыльным дорогам и полз по-пластунски, сбивая в кровь руки и ноги о камни.

Посвящается самым обыкновенным офицерам, прапорщикам, сержантам и солдатам, людям, воевавшим не по картам и схемам в тиши уютных кабинетов, а на передовой, в любую погоду и в любое время дня и ночи.

Каждое слово продумано, каждая деталь – правдива, за ней ощущается реальность пережитого. Автор очень ярко передает атмосферу Афгана и настроение героев, а «черный» юмор, свойственный людям, находящимся в тяжелых ситуациях, уместен.

Читайте первую книгу автора, за ней неотрывно следует вторая: «Бой под Талуканом».

Содержание

Об авторе	4
От автора	5
На пороге войны	7
Образцово-показательный полк	14
Первый рейд	25
Джалалабадская операция	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Прокудин Рейдовый батальон

Об авторе

Родился в 1961 году в Кемеровской области. Ветеран войны в Афганистане; награжден двумя орденами «Красной Звезды», медалями; майор запаса.

Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей, литературный секретарь Международной федерации русских писателей. Автор 15 книг прозы. Председатель секции военно-патриотической, приключенческой и детективной литературы. Лауреат нескольких литературных премий и благотворительного движения «Золотой пеликан». В настоящее время – участник борьбы с пиратством в зоне Индийского океана.

От автора

Прошло уже много лет с тех пор, когда кончилась последняя война последней империи мира – никому не нужная война в Афганистане.

Один за другим умирают или трагически погибают мои друзья, с которыми я вместе воевал. Все меньше остается живых участников тех далеких событий...

Обновленная Россия ведет новую войну, и опять армия и правительство противостоят целому народу.

Война с партизанами – самая тяжелая и самая «грязная», она имеет тенденцию постепенно перерасти в агрессию против всей нации, от мала до велика. Достаточно вспомнить, что в 1980 году в Афганистане действовало около 20 тысяч моджахедов (душманов), а в 1987 году их численность была уже порядка 300 тысяч. Грустная статистика...

Книга выходит в свет, когда нет больше цензуры советского времени, поэтому автор имеет возможность изобразить войну такой, какой ее увидел молодой пехотный лейтенант, без прикрас и ложного героизма. Кому-то эта книга может показаться грубоватой, но ведь настоящая война всегда груба и жестока, а армейская среда – это не институт благородных девиц. Естественно, что девяносто девять процентов «неблагозвучных» выражений автор оставил «за кадром», но есть эпизоды, где без них не обойтись, чтобы не погрешить против правды.

Все время нас учили: «тяжело в ученье – легко в бою». Но почему-то это самое «тяжело» становилось правилом и в ученье, и в бою. Словно кто-то невидимый ставил перед собой цель сделать существование людей в армии невыносимым. Бытовые условия, боевые задачи – все напоминало эксперимент по выживанию.

Главные герои книги – это те, кто жарился под палящим беспощадным солнцем и промерзал до костей на снегу; те, кто месил сапогами грязь и песок по пыльным дорогам и полз по-пластунски, сбивая в кровь руки и ноги о камни; те, кто оросил своим потом все горные вершины хребтов Гиндукуша и бескрайнюю пустыню.

Эта книга посвящается самым обыкновенным офицерам, прапорщикам, сержантам и солдатам, людям, воевавшим не по картам и схемам в тиши уютных кабинетов, а на передовой, в любую погоду и в любое время дня и ночи. Многие из них погибли или стали инвалидами, кто-то умер уже после войны от ран и болезней, тяжелого наследия прошлых сражений.

Не может меня не волновать, что сейчас армейское руководство и правительство страны продолжают делать те же ошибки в проведении так называемой «анти-террористической операции», что и раньше во время Афганской войны. Как и прежде, существует миф о непобедимой и всемогущей армии, который не имеет ничего общего с реальным состоянием дел. Читателям, далеким от этих проблем, книга может показаться «пасквилем» на Вооруженные Силы, но ведь автор являлся участником всех событий, о которых пишет, и стремление показать правду – главная его цель.

Кроме того, в книге изображены сложные, порой противоречивые межнациональные отношения в армейском быту. Существование их привело в дальнейшем к тому, что военные невольно становились носителями национализма в обществе.

Армия давно больна, и больна серьезно. За прошедшие годы запущенная вялотекущая болезнь стала коматозным состоянием. Коррупция, воровство в Вооруженных Силах – это давняя беда армии. Ее нынешнее состояние – это следствие отношения государства к людям в погонах, а рост числа преступлений – следствие качества призывников на военную службу.

Ветераны нашей армии, особенно те, кто участвовал в локальных конфликтах, – самые несчастные, бесправные люди. Их жертвы, боль утрат, физические и психологические страдания не интересны обществу. Страну, в основной массе, не волнуют их проблемы. «А кому сейчас легко?» – могут сказать люди.

Вернувшись с очередной войны, ветераны остаются наедине со своими бедами. Психозы, стрессы, нервные срывы, пьянство, наркотики, преступления...

Душа болит за тех, кто погиб на Афганской войне, но еще больше за тех, кто продолжает погибать сейчас, в наше «мирное» время.

Книга посвящается нашей самой неприхотливой и самой бесправной армии современного цивилизованного мира.

На пороге войны

Ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке кабульского аэродрома. Это был крепкий немецкий чемодан, огромных, прямо гигантских размеров, который называют «мечта оккупанта». В нем уместились бушлат, шинель повседневная, шинель парадная, китель повседневный и парадный, хромовые сапоги и еще много всякой ерунды. Я глубоко вдохнул раскаленный июльский воздух Кабула. Я – это молодой лейтенант Никифор Ростовцев, год назад окончивший училище, затем год прослуживший в богом забытом гарнизоне Туркмении. Служил не в самом гиблом месте, были места и похуже. Но когда пьянство и дурь гарнизона окончательно осточертели, все-таки добился перевода за границу. Моей «заграницей» стал уже много лет воюющий Афганистан. Что там на самом деле происходит, ни я, ни мои сослуживцы толком не знали. Вроде бы и война, а вроде бы и не совсем. В полку служило немало офицеров, участвовавших во вводе войск, но ввод-то когда был – пять лет назад, да и служили всего месяца по два. Много забылось, не о чем и рассказать.

После трехдневных проводов, вылившихся в грандиозную попойку, в которой участвовало большинство офицеров батальона, и двухдневного кутежа со знакомой девицей я очень устал. Пара приятелей до моего убытия на нее только облизывались и сейчас с нетерпением ожидали моего отъезда.

Поезд проходил через город Теджен в три ночи, а наш гарнизон стоял в тридцати минутах езды от него. Бахнув на прощанье по последней рюмке, закусив арбузом и обнявшись с друзьями, я привязал чемодан к багажнику мотоцикла, и, вдрызг пьяные, мы отчалили. На вокзале еще раз обнялся с провожатым, взводным Серегой, и тот как мог быстро помчался назад сменить меня на диване. Только пожелал на прощание:

- Ник, постарайся вернуться живым.
- Хорошо, – подумал я, – постараюсь.

Билет был куплен перед самым отходом поезда. Все купе оказались заняты спящими пассажирами. Ругаться с туркменом-проводником желания не было, и я сел на откидное сиденье. Ночь на чемодане у открытого окна взбодрила, но в то же время усилилась нервная дрожь перед неизвестностью.

Не каждый день отправляешься воевать на край света.

Громадный штаб округа напоминал айсберг из стекла и бетона. Множество подъездов, бесчисленное количество полковников и генералов, снующие «Волги» и «УАЗы». Рука от козырька не отрывалась – поприветствовал одного, второго, третьего... сотого. Вскоре появился у меня попутчик. Это был лейтенант по фамилии Мелешенко, похожий на добродушного пасечника. Он не имел ни малейшего желания ехать «за речку». В течение трех дней он пытался увильнуть, но тщетно. Пушечное мясо требовалось в огромных количествах, а ехать вместо него желающих не было. Николай (так звали моего нового знакомого), узнав, что я еду по собственной воле и с желанием, слегка покрутил у виска пальцем. В Афганистане он мечтал попасть на должность замполита роты охраны в госпитале или кого-то в этом роде. «Главное – можно хорошо устроиться даже там».

В гостинице, где я остановился, суетились командированные и отпускники из той неизвестной жизни – «заграничной». Для оформления паспорта потребовалось несколько дней, эти дни потихоньку прожигались мною, но уже без вреда для печени и желудка. В конце концов, для получения документов мы были вызваны в Управление кадров. В небольшом конференц-зале набились человек пятьдесят офицеров в званиях повыше наших. Мужики радостно обсуждали свои перспективы в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии. Я и Николай были чужие на этом празднике жизни и карьеры, поэтому дремали на последнем ряду и изредка отбивались от попыток «припахать» нас по какой-нибудь мелочи.

Перед обедом зашел в зал полковник и объявил, что одному из руководителей Управления присвоили генерал-майора, и необходимо помочь в рамках разумного организовать подарок. Тут же появился бодрый, радостный подполковник из числа «заграничников» и пустил фуражку по кругу. Начал почему-то с нас.

– Лейтенанты, давайте гоните по «четвертаку». Сбросимся! Поактивней! – тоном, не терпящим возражений, произнес он.

– Вот дела! – заржал Никола. – Ни копейки не дам. У вас своя свадьба – у нас своя!

Ехидно улыбаясь, Мелещенко развалился в кресле и закрыл глаза.

– Наглец! А вы, товарищ лейтенант, тоже отказываетесь? Вы что хотите вылететь из списков за границу? Я это быстро вам обоим организую! – забрызгал слюной этот холеный секретарь парткома полка.

– Ага, тоже ни хрена не дам! – подтвердил я.

Николай сладко потянулся и громко произнес:

– Все время, дурак, думал, как от Афгана сачкануть! Оказывается, нужно не взятку дать, а с подарком начальника кинуть!

И мы дружно засмеялись. Это взбесило подполковника. Отходя от нашего ряда, он громко произнес:

– Придурки! Идиоты!

На это Николай ответил вполне внятно и обещающе:

– А за придурков на свежем воздухе можно и по морде схлопотать! Вполне легко. И фотография в загранпаспорте будет не соответствовать лицу владельца.

На нас все злобно посмотрели, но связываться не стали. Однако посланный подальше подполковник не удержался и «стукнул» на нахалов пришедшему за «бакшишем» (подарком) кадровику. Тот скривился, махнул равнодушно рукой, но паспорта выдал в конце дня. Получая последние наставления, я с удивлением узнал о необходимости сделать прививки.

Прививки делали на пересыльном пункте: оттуда рано утром отъезд. Черт! Не люблю уколы.

Пересыльный пункт в городских закоулках Ташкента отыскивали с большим трудом, зарегистрировались на рейс в Кабул, разыскали медпункт. В медпункте, кроме санинструктора сержанта, никого не было. На вопрос о прививках он ответил, что надо шприцы кипятить, а у него ужин, поэтому прийти нужно через полтора часа. Я раздраженно хлопнул дверью и решил отложить это дело до утра.

По пересылке бродили или трезвеющие, или пьянеющие командированные и новички. У народа выяснил, что можно везти с собой две бутылки водки. Мне уже этого добра не хотелось, но ведь там же коллектив ждет. Коллектив, в который предстоит влиться.

На последние деньги приобрел водку, закуску и отправился спать в гостиницу. Практически не заснув ни разу, в три часа ночи я встал и пешком пошел к общаге, где встретился с Николаем. Тот выполз из дверей в веселой компании трех девах. Сволочь! Молчал и не приглашал три дня в гости. Жадина!

В такси наши чемоданы с трудом поместились: один запихнули в багажник, другой – в салон. Водитель зарядил сумму по максимуму, но с Коляна, как оказалось, лишнего не возьмешь. Хотя если бы деньги были, я б их ему отдал. Вдруг никогда не пригодятся, а если и пригодятся, то когда? Девчонки визжали и махали вслед такси.

Мы с трудом достучались в медпункте до медика. Вышел все тот же сержант, прививки пообещал сделать через час, но ехать на аэродром надо было минут через двадцать. Сержант предложил решить вопрос за «червонец» с каждого.

Микола развернулся и послал подальше прививки, на что санинструктор сказал, что без штампа об их наличии нас на самолет не пустят.

Вот черт! А денег три рубля. Не улететь: следующий борт только завтра. Но как жить сутки без денег?

– Сержант, у нас «трояк» на двоих остался, бери и ставь отметку, а прививка нам не нужна! Договорились? – начал уламывать его я.

Медик принялся канючить про тяжелую службу, нехватку витаминов, ранение в Афганистане, при этом демонстрируя отсутствие пальца на руке. В конце концов, видя мои пустые вывернутые брючные карманы, он смирился с «трояком».

Весело загрузившись в автобус, мы услышали от водителя, что проезд платный – рубль с носа.

Ну и жулье! Мародеры, можно сказать.

У кого были деньги, весело ругаясь, кидали их в лежащую на моторе «ПАЗика» кепку. А у кого, как у меня, не было – матерились и отказывались платить. Водитель в это кепи предложил бросать хотя бы мелочь: все равно она нам не нужна. Кое-какая не прожитая еще мелочь имелась, и ею кепка в основном и наполнилась. Радостный водитель собрал монеты и быстро помчал по ночному Ташкенту на военный аэродром.

Пройдя унижительный таможенный досмотр – нам вывернули даже карманы, – выбрались из зала на бетонку.

Нас поджидал старенький, обшарпанный, с закопченными двигателями грузовой самолет Ан-12. Бывалые ребята начали ругаться. Не повезло! Намучаемся. Вот если бы Ил-76, вот была бы красота, а не полет. В этом только кабина герметичная, а борт продувался всеми ветрами, значит, уши будет давить и кислорода не хватать.

После еще одного тщательного досмотра вещей, проверки документов всех нас, человек восемьдесят, загрузили во чрево самолета. Какой-то генерал и пара полковников прошли в гермокабину, туда же сели несколько сильно накрашенных женщин.

Хмельные прапорщики заржали:

– Новенькие, необъезженные! Пополнение! Обновление малинника.

Бортмеханик заdraил люк, приказал не курить и не бродить по самолету, если не хватит на всех воздуха – дышать через свисающие сверху кислородные маски. Но масок свисало мало, гораздо меньше, чем было людей на лавках и сиденьях.

Прапорщик-бортмеханик сел на свое откидное сиденье и, демонстративно пристегнув парашют, о чем-то задумался.

Расположившиеся рядом два откормленных дородных прапорщика громко возмутились.

– Иван! Ты бачишь, шо делается? Этот летун парашют пристегнул, а нам их не выдали!

– Та ни! То не парашют, то имитация, мешок для самоуспокоения.

– Да парашют, я тебе говорю. Бойтся, наверное.

– А шо вин его одев? Думае выпрыгнуть, если собьют? А нас бросить?

– Наивный! Кто ж его выпустит? Вместе с нами и упаде.

Вокруг одобрительно засмеялись пассажиры. Летчик злобно посмотрел на болтающих и смеющихся, еще раз рявкнул нервно: «Не курить!» – и убежал вместе с парашютом в кабину пилотов, заdraив за собой люк отсека.

– Ну вот, как в гробу запечатал. Обиделся! – подытожил один из прапорщиков.

– Это новенькие, недавно экипаж из Белоруссии прилетел, нервничают, – авторитетно сказал какой-то офицер.

– Ничего, пусть понервничают, – отозвался другой. – Они туда-сюда летают, а я второй год там по горам ползаю.

Вскоре после взлета в салоне началась пьянка. Пили то, что сумели пронести под видом компотов и чая. На самом деле это были подкрашенные спирт, водка, самогон. Мы с Николаем из-за отсутствия этого резерва могли только дремать, что и делали, лежа на чемоданах.

Сон не шел. Было душно, не хватало воздуха. Потом над горами, когда поднялись на максимальную высоту, стало холодно, а воздуха – еще меньше. Пришлось по очереди дышать кислородом через маску.

– Подлетаем! – пьяно заорал кто-то. – Баграмка! Сейчас будет Кабул на горизонте за горами.

Все сидящие возле иллюминаторов прильнули к ним.

Я видел внизу пейзаж, такой же, как и в Туркмении. Затем за хребтом появился большой город, и самолет, резко накренившись на крыло, начал кружить над ним, постепенно снижаясь.

– Самый опасный момент, – сказал сосед, старший лейтенант. Он возвращался из отпуска, и все было уже не впервой. – Сбивают чаще всего на взлете и на посадке.

В ответ я понимающе кивнул. Начала бить нервная дрожь, пальцы и руки подергивались. Страшновато. Особенно нервировало натужное завывание двигателей и скрип самолета.

– Скрыпучий який, зараза! – задумчиво промямлил совсем опьяневший прапорщик. – Иван, не развалится летак?

– Та ни, не развалится! А если и развалится, падать-то вже совсем низенько, – хохотнул такой же пьяный его собутыльник.

Самолет ударился колесами о бетонку, слегка подпрыгивая, промчался по полосе аэродрома, двигатели ревели на реверсе. Пробежка, торможение, разворот – все, приехали.

Народ радостно заорал: «Ура!» – и захопал в ладоши. У кого оставалось спиртное – выпили «на посошок».

Подали трап, выгружаемся. Вот тут мой ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке кабульского аэродрома.

* * *

Грузный прапорщик встретил всех вновь прибывших во дворе пересыльного пункта. Нехотя мы построились в одну шеренгу и выслушали дурацкий инструктаж тыловой крысы.

– Товарищи офицеры и прапорщики! Вы попали на территорию пересыльного пункта №***! Это военный объект со строгой дисциплиной, здесь действует жесткий распорядок дня, обязательный для всех, – вещал с умным видом старший прапорщик.

Откормленная физиономия лоснилась нагулянным жирком, чистая, отутюженная полевая форма явно не знала пыли гор и песков пустыни. Новенькие хромовые сапоги блестели на солнце, видно было по всему: их хозяин доволен службой и не утруждается боевыми действиями. Мы смотрели на этого военного франта, его речь нам казалась неправдоподобной.

– Вы, товарищи, прибыли в район боевых действий, и тут, как и везде на фронте, постоянные артиллерийские обстрелы противника. Мятажники регулярно обстреливают район нашего пересыльного пункта. В случае обстрела всем залечь в окопах и щелях, вырытых за модулями-казармами. Модуль – это щитовой домик, легко пробивается осколками, поэтому рекомендую успеть занять место в окопе. Если услышите пулеметную стрельбу, не пугайтесь, это бьет пулеметчик из капонира. На войне как на войне. Всем вести себя достойно, выполнять распоряжения администрации пересыльного пункта. Я пользуюсь властью помощника коменданта гарнизона, могу буянящих и на гауптвахту определить. Не болтаться, ждать распределения.

Распаясь от собственного красноречия и тылового героизма, комендант воспарил до самых высот верховного командования. Он прикрикнул на офицера, что-то спросившего его, рывкнул на прапорщика.

В конце концов стоять под палящим солнцем и выслушивать бредни зарвавшегося «полководца» надоело какому-то подполковнику, и он прервал лекцию окриком:

– Комендант, не забывайтесь! В строю – старшие офицеры!

– Да, да! Разойдись! Получить постельное белье, сдать продаттестаты и предписания.

Рядом с нами стоял молодой майор, нетерпеливо слушавший инструктаж, и постукивал ботинком о чемодан.

– Редкостный болван, – произнес он. – Пора отсюда сваливать как можно быстрее, а то еще и чемодан герои тыла сопрут. Вы, коллеги, куда направляетесь?

– Мы – в распоряжение политуправления армии, – ответил Николай. – Ему вроде в Шиндант, мне в Кундуз, не знаем только точно, где это.

– Здорово! И я в Шиндант, в штаб дивизии. За мной знакомые ребята должны подъехать, могу подвезти в штаб армии. Боюсь, что иначе надолго тут застрянете, если сдадите этому чинуше документы.

– Будем только рады составить компанию, – воскликнул я, – только вещи в каптерку забросим и готовы ехать вместе с вами.

Николай зашипел мне на ухо:

– Куда ты спешишь? Мы что, обязаны сами куда-то бежать, торопиться? Пусть приезжают и забирают. Нам в Афгане быть два года, а время уже пошло. Давай отдохнем, поспим, послушаем, где лучше, где хуже. Куда спешить?

– Коля! Ты можешь тут хоть мхом покрыться, хоть замполитом пересылки стать! А я не собираюсь слушать бред этого бездельника и выполнять его приказы. В полк, и чем быстрее, тем лучше! От судьбы все равно не уйдешь. Ты со мной?

– Да с тобой, с тобой. Замполитом пересылки – это ты сильно сказал. Заманчиво! Но, наверное, такие теплые места давно захвачены. На них, я думаю, в Москве распределяют. Год за три – и участник боевых действий, и риск минимальный. Ох, и жирное местечко, сало будет всегда. – Николай даже мечтательно закрыл глаза.

Действительно, вскоре пришел автобус из штаба армии, и майор пригласил нас с собой. За ним приехал какой-то подполковник, они обнялись, расцеловались.

– «Однокашник», вместе в одной роте были, – пояснил майор и обратился к подполковнику: – Возьмем ребят в политуправу? Они, как и я, в Шиндант направляются.

– Пусть едут, места хватит, с собой потом и заберешь их. Ребята, галстуки можно снять, верхнюю пуговицу рубашки расстегнуть. Расслабьтесь.

Мы обрадовались существующему тут послаблению. В ТуркВО был такой приказ, но в моем полку в Туркмении командир полка без галстука и без кителя формы не признавал. Даже при +45°. Вот где был дурдом!

В политуправлении армии все резко переиграли.

– Обоих направляем в восьмую мотострелковую дивизию, в восьмидесятый мотострелковый полк. «Придворный» полк.

– А как же Шиндант? – удивился я.

– А никак. Тут в полку два заменщика пару месяцев пересидивают. Те, кто должен прибыть служить по плану, куда-то пропали в Союзе: то ли болеют, то ли что-то выдумывают, время тянут.

– А где полк расположен? – поинтересовался осторожно Никола.

– Где, где. За забором, вон за тем кишлаком. В Кабуле.

– Как в Кабуле? – охнул я. – Зачем сюда, я в Шиндант должен убыть, мне туда предписание.

Николай толкнул мою ногу под столом и сделал выразительные страшные глаза.

– В Кабул, так в Кабул. Это даже хорошо. В столице тоже кто-то служить должен.

– Товарищ полковник! – сделал я еще одну попытку отвертеться от «придворного» полка. – Я сюда рвался воевать, а не в «придворном» полку околачиваться, прошу направить меня согласно предписанию.

– Чудак, – обалдел совсем полковник и с интересом принялся разглядывать меня, как будто только увидел. – Доброволец что ли?

– Так точно, доброволец, писал рапорт еще в училище, а затем и в ТуркВО.

– Ну вот, ты как раз в такой полк и попал!

– Шо? В смысле? А как понять? – поинтересовался Мелещенко. – Воевать-то полк не воюет? Город охраняет, наверное?

– Нет, полк город не охраняет, а как раз воюет. Не весь полк, конечно, но один батальон точно на боевые ходит, два батальона по заставам стоят.

– А... не весь, понятно, – задумался Николай.

– Не весь, не весь, – ободряюще улыбнулся ему полковник, – только один батальон, но воюет очень много. Ну, вот ваши документы, спросите на КПП попутку – и в полк. Счастливо!

– Но если есть очень сильные возражения, могу направить в батальон покойного майора Козловского. Слышали про такой?

Тут уже я возразил:

– Нет, спасибо, лучше в восьмидесятый.

– Тогда счастливой службы, удачи!

Что за батальон такой, почему я не слышал? – поинтересовался, выходя в коридор, Микола.

– Это расстрелянный батальон. Я некоторое время в Термезе служил и знаю эту трагедию.

Вместо выведенного в Союз танкового полка отправили на его место мотострелковый полк. Через пару месяцев из того мотострелкового полка почти весь батальон этого вот Козловского уничтожили. Точных подробностей не знаю, но вдов было в городке очень много. Погибло больше ста солдат, прапорщиков и офицеров. Вот почему мне знакома эта фамилия. Ничего хорошего в таком невезучем подразделении быть не может.

– Не, нет, нам такая организация ни к чему! – согласился Мелещенко.

Мы покинули здание штаба и огляделись. Еще по дороге в штаб, в автобусе, подполковник рассказал, что командование армии расположено в бывшем королевском дворце, который штурмовали в декабре семьдесят девятого. Во дворце бушевал пожар, там же и Амин был убит. Что дворец горел, было совершенно незаметно, даже следов пуль и осколков не было видно. Старинное красивое здание. Афганское министерство обороны также размещалось в старинном дворце, но немного ниже, на самой окраине города.

Штаб сороковой армии, возвышаясь над окрестностями, стоял на живописном холме, окруженном парками и аллеями. Внешний вид портили маскировочные сети, блиндажи, окопчики, капониры и понастроенные модули-казармы. Вокруг была натянута колючая проволока, накренились уродливые заборы, всюду торчали таблички «Осторожно! Мины», «Прохода нет», «Мины», «Стой! Граница поста».

Мне было не до обзоров и экскурсий. Мы с Мелещенко, озираясь по сторонам и спрашивая дорогу, двинулись к КПП.

Автоматчик, дневальный по КПП, ничего вразумительного объяснить не мог, зная только размещение своего батальона охраны.

Дежурный небрежно махнул рукой в сторону домиков и объяснил, что до полка рукой подать и можно пешком добраться при желании.

– Пойдете по дороге до перекрестка и налево, мимо музея, вдоль забора. Там прямо, прямо, мимо зенитного полка и упретесь в КПП. Только с дороги не сходите на обочину, за

канавой «паутина» растянута и все кюветы заминированы. Либо без ног останетесь, либо вообще погибнете. А хотите, ждите машину, может, кто и подъедет. Идти километра два всего-то.

Солнце пекло, и болтаться туда-сюда возле шлагбаума быстро надоело.

– Николай! Пойдем пешком, а то совсем изжаримся. Есть охота, в полку хоть накормят.

– Пойдем, – вздохнул Мелещенко, – только не беги, пойдем не спеша.

Туфли и брюки быстро покрылись толстым слоем придорожной пыли, но идти было гораздо веселей, чем топтаться на месте.

Мы миновали продуктовый «дукан» (афганский магазинчик), продавец покричал, приглашая зайти, но денег у нас не было. А жаль. На импровизированном прилавке стояли кока-кола, фанга, лежали арбузы, дыни. Жажда только усилилась. Вдоль дороги бегали оборванные, грязные мальчишки и швыряли камни вслед проезжающим машинам.

– Дикари, – улыбнулся Мелещенко. – Интересно, что орут эти туземцы? Наверное, матерятся.

– Наверное. Главное, чтоб в нас камни не кидали.

За поворотом вытянулась прямая как стрела дорога, а вдалеке были видны вышки и заборы наших частей.

Медленно идти не получалось. Злые нищие мальчишки кидали издалека камни, мужчины угрюмо смотрели на нас – все это ускорило переход к полку. Не сговариваясь, мы не шли, а почти бежали.

Вот такая вышла прогулка.

Образцово-показательный полк

Переступив порог КПП полка, я увидел асфальтированную дорогу, бетонные дорожки, вдоль них ровненько посаженные березки, БМП на постаменте из камня.

Н-н-да, дела. Рядами стояли щитовые домики, романтики палаток не присутствовало. Огромный заасфальтированный плац привел в еще большее уныние. Ангары-столовые, большой клуб, фонарные столбы с освещением. Это куда же я попал?

Тут, наверное, сплошная показуха, а войны и не будет. Стоило ли ехать «за речку», этого и в Союзе хватает. Вот не повезло, а ведь должен был ехать в Шиндант. Что потом расскажешь об Афгане? Как маршировал по плацу?

Колян радостно потер руки:

– Вот это да! Попали в хорошее место, – и сжал мои плечи. – Служба как на Родине! Все цивильно!

Мое настроение было прямо противоположным. Хотелось в какую-нибудь дыру, чтоб подальше от начальства, поменьше парадности, побольше войны. Так и басмачей не увижу.

Дежурный по полку, рассмотрев предписания, отправил в строевую. Строевик удивленно посмотрел на нас и спросил, откуда мы взялись.

– Откуда? Служить прибыли к вам в полк!

– Да я понимаю, что не плясать. Как вы тут очутились?

– Как, как, пешком, – продолжал кипятиться Николай, явно опасаясь, что могут отправить в другое место, а ведь ему по предписанию предназначалась какая-то далекая дыра.

– Пешком у нас не ходят. Пешком у нас в покойников превращаются и в цинковом гробу потом едут. У нас для этого машины, БМП, БТРы ходят, вертолеты летают! Ясно?

– Ясно. Мы туда попали или не туда? – с надеждой спросил я.

– Туда, туда. Заменщики заждались уже, где были-то?

– Да, мы вообще не сюда планировались, – попытался я ухватиться за последнюю соломинку. (Не нравилось мне тут!)

– Не туда, не сюда! А будете служить здесь! В героическом восьмидесятом мотострелковом полку.

– Кроме асфальта и фонарей я ничего героического не видел.

– Эх, «зелень»! У нас в полку служили два Героя Советского Союза!

– Давно, наверное, это было, – ехидно продолжал я разговор.

Колян тем временем больно ткнул меня локтем по ребрам и зашипел:

– Молчи, место хорошее, еще отправят обратно.

– Так, разговорчивые! Шагайте в курилку, сейчас заберут те, кто вас так долго ждал. Идете в первый батальон: один, – и ткнул в меня, – в первую роту, другой – в третью мотострелковую роту.

– Крыса штабная! – шипел, сидя на лавочке, Николай. – Ты видел его харю? Боевой офицер! Вояка! Из штаба, наверное, даже на плац не выползает!

– Да! Не нравится мне тут! Выпьют кровушки и нервов попортят! – поддержал я.

– Зато живы будем! Лучше плац истоптать, чем пулям кланяться. – Николай сменил возмущение на счастливое умиление и сказал:

– А я уже думал: пропал Микола! Загубили! Нет, мы еще поживем, послужим.

К нам в беседку спешили два офицера, мчались, как два разъяренных бизона.

– Кто меняет старшего лейтенанта Алексеева?

– Ну, я, лейтенант Никифор Ростовцев, – ответил я и оказался в его объятьях.

– Мужики, где вы были так долго? Федор Алексеев, – представился он в ответ.

– Да мы вообще не сюда шли, – ответил, вздыхая, я.

– А теперь повезло и попали сюда, – подытожил Микола. – И мне здесь нравится, цивилизованно все. Тишина, порядок.

– Да, сейчас тишина, – усмехнулся второй офицер. – А вот батальон вернется с боевых, и жизнь закипит.

– А меня зовут Сергей Никитин. Я из третьей роты, замполит. Ты меня меняешь? – ткнул он пальцем в Николая.

– Да, я, – ответил Микола и осторожно поинтересовался: – А на каких таких боевых батальон?

– На обыкновенных боевых. Все в рейде, возле Пагмана воюют.

– А где это?

– Да тут, рядом с городом.

– А, возле Кабула, это хорошо, что недалеко, – вновь довольно вздохнул Микола.

– Да тут, в окрестностях Кабула, наостыляют еще больше, чем вдали от него. Особенно в Баграмской «зеленке» или в Чарикаре, – ответил Алексеев.

– Вот те на! – выдохнул Микола и выпучил глаза, он побагровел и надулся.

– Колян, спусти воздух, лопнешь! – воскликнул я и хлопнул его по спине. На душе стало веселей. Значит, и здесь воюют.

– Так что, батальон боевой? – радостно спросил я.

– Еще какой боевой! А мы наконец-то домой едем – замена! Хватит, навоевались!

Пошли в модуль койки делить.

Мы побрели в щитовой домик, Мелешенко шел, едва шаркая ногами, плечи опущены, в глазах тоска. Веселое настроение улетучилось без следа, мое же, наоборот, улучшилось. Все ж пореже буду топтать по этому плацу. Хорошо!

Вот и пришли. Нас посадили в захлавленной комнате за стол, а сами заменщики забежали, засуетились, принялись трясти какими-то неизвестными иностранными деньгами. В комнату входили и выходили люди, здоровались, смеялись, чему-то радовались. Жара стояла невероятная – зашумело в голове и заломило в висках. Год адаптации в Туркмении спасал, но не совсем. Окна в комнате были заклеены фольгой, и поэтому, чтобы не сидеть в полумраке, под потолком одиноко и уныло горела засиженная мухами лампочка.

Суэта продолжалась уже больше часа. Комната была большая, в ней стояли восемь кроватей, в центре – огромный стол, несколько шкафов и тумбочек. Мы потихоньку перебрались на чью-то кровать и принялись дремать. Полуденный зной сморил меня, и сквозь липкую дремоту через пелену полузакрытых глаз видно было, как стол постепенно заполняется банками, бутылками, тарелками, что-то непрерывно резали, раскладывали, что-то открывали.

Постепенно я очнулся и стряхнул сон.

– Колян, давай за вещами сгоняем на пересылку?

– Давай. А может, зря их попрем: окажется, что все ж не в этот полк? – с чуть осязательной надеждой в голосе ответил Микола.

– Нет, не окажется. Они, видишь, уже в нас так вцепились, что не отдадут никому ни под каким предлогом. Мужики! А вещи наши на пересылке забрать как?

– Да к черту их. Что там?

– Как что, шинели, форма всякая, – ответил я.

– К черту! На хрена тебе здесь шинели. Вы, может, еще и парадки привезли?

– Ага! Даже парадную шинель. Сказали брать все.

– Вот дают штабы! Армия пять лет воюет, а их все по полной форме присылают сюда. Мудаки тыловые. На хрена они вам сегодня, потом как-нибудь заберете, – высказался Алексеев.

– Да! Когда на партучет в дивизию поедете, тогда и возьмете, – поддержал заменщик Миколы.

– Да там водка, – вздохнул Колян.

– И у тебя тоже? – спросил Алексеев, с надеждой глядя на меня.

– Ну да! По пузырью!

– Не выжрали? Молодцы! Орлы! Ну, это другой разговор. Сейчас транспорт организуем!

Через полчаса мы тряслись в клубной машине с пухлым начальником клуба, который мчался за своей заменой на пересылку и при этом возмущался:

– Представляете! Неделю лежит себе на койке и в ус не дует, а я тут извожусь! Парится. Я ему сейчас устрою веселую жизнь!

На пересылке мы забрали свои чемоданы, послали подальше прапора-коменданта, который попытался продолжить нас поучать на примере своего огромного боевого «пересылочного» опыта.

Два капитана бродили в обнимку вокруг машины, и один был счастлив, а другой – несколько смущен и растерян.

– Сергей! Стол ждет! Представляете, лейтенанты, мы с ним в одном батальоне учились!

– Меня, кстати, Володей зовут... Старый начальник клуба.

– Сергей. Начальник клуба, новый. Из ЛенВО прибыл, а вы откуда? – спросил худощавый капитан в очках.

– Я из ТуркВО, а Микола из Прикарпатского, вчера прилетели.

Познакомились, поздоровались, и в машину. Машина обратно не ехала, а летела!

– Никифор, – позвал меня Микола. – Я одну бутылку достану, а вторую с ротным надо будет выпить.

– Конечно. Так и говорим, что у нас всего по одной, а то парни с боевых действий придут, а мы с тобой пустые.

– Интересно, а почему тут спиртное, и есть ли оно вообще? – задумчиво произнес Коля.

К нашему приезду застолье уже началось, и мест почти не было.

– Ребята! Скорей сюда, по правую руку. Мы вас уже ни на шаг от себя, чтоб не украли. Все пьяно заржали.

Водка из чемоданов под крики «Ура!» перекочевала на стол. За столом таких приезжих, как мы, было еще пятеро: начальник клуба, два взводных из роты Микола, новый командир разведроты и минометчик.

Участниками застолья оказались зам. начальника штаба полка, который в штабе поучал нас насчет сухого закона на войне, строевик и много незнакомых офицеров. Сидели пара помятых теток, какие-то гражданские личности.

Все орали что-то друг другу, чокались, пили, курили.

В течение первого часа все было более-менее организовано, а потом начался полный хаос. Ветераны поучали нас, как жить. С нами кто-то знакомился, кто-то что-то говорил. Шум, гам, сигаретный дым клубился под потолком. Неожиданно заорал японский магнитофон, и все перешло в пьяную анархию.

– Танцы, – завопил кто-то нетрезвым голосом.

Танцы! Громко сказано, ведь они, эти дикие пляски, танцы напоминали отдаленно. Столы совсем уже захламились пустыми бутылками, банками и окурками в тарелках, недоеденными кусками.

– Полк пришел! – раздался истошный вопль из дверного проема. – Ура!!!

Стулья с громким стуком полетели на пол, и все бросились на улицу. Ночной воздух был наполнен клубящейся пылью, стелившейся над расположением полка. Могуче лязгали гусеницы боевой техники, стоял непрерывный рев двигателей. Техника шла краем полка, где-то вдалеке, и за пылью была не видна.

Все куда-то убежали, а на крыльце остались лишь мы, те, кто был в зеленых форменных рубашках – новички. Ребята нервно курили. Я отправился в казарму знакомиться с ротой.

Через некоторое время в пустую казарму, по которой я бродил (казарму роты мне показали по дороге к общежитию, поэтому я знал, где она находится), ввалились несколько грязных пыльных солдат, обвешанных оружием, боеприпасами, вещами. Они уставились на меня, как на «марсианина», и, обойдя стороной, водрузили все свое имущество возле коек. Принялись что-то обсуждать.

Откуда-то прибежал маленький прапорщик-армянин и, разоравшись, послал всех прочь. Солдаты начали носить оружие в оружейку, вещи – в каптерку, а бойцы все прибывали. Разгрузившись, они сели по кругу и принялись ужинать.

Кровати были аккуратно заправлены, но без наволочек и простыней. И только на двух были наволочки. Я подошел ближе и увидел на каждой койке фотографии в траурных рамках, а на белых простынях, завернутых уголком, букеты цветов.

Прапорщик спросил:

– Вы кто у нас будете, товарищ лейтенант?

Я ему объяснил, что я новый зам. командира роты по политчасти. Мы пожали друг другу руки.

– Старшина! Это кто? Что случилось? – обратился я с вопросом.

– Ширков и Спица, наводчик-оператор и механик БМП. В прошлом рейде погибли. На Панджшер ходили. Броня сопровождала колонну «наливняков», погибли геройски. Гранатометчики из «зеленки» расстреляли, пять пробоин в бортах. Механик выполз без ног и умер в госпитале, а наводчик вел огонь из горящей машины и стрелял, пока не взорвалась башня. По полгода всего прослужили в части, весной пришли. Первые потери в этом году в роте.

Старшина вздохнул и нервно постучал по ладони плеткой.

– Новый ротный пришел из дорожного охранного батальона, принес несчастье. Фамилия предыдущего командира – Беда, но он был очень даже везучим. Из-за баб погорел – сняли. Мои слова командиру роты не передавай. Его, правда, во время обстрела не было, пехота сидела вся в горах, а на броне – только техник и экипажи, отстреливаться некому.

– И часто такое? – кивнул я в сторону фотографий.

– В батальоне вообще-то часто, а в роте у нас – нет. Рота счастливая, умелая. Будем надеяться, что и тебе повезет.

К казарме шли офицеры, и старшина побежал им навстречу. Доложил и кивнул на меня, объяснил, кто я и зачем прибыл.

Среди всех выделялся высокий рыжеволосый капитан, он что-то выговаривал двум лейтенантам. Они хмуро взглянули на меня, и я представился.

– Ну что ж, уже хорошо! Будет кому с солдатами заниматься и мероприятия проводить, а то все без зама. У твоего предшественника одна замена была на уме, да как барахло скупать, – и он хмуро продолжил: – А я вот хоть и заменщик, а все в рейды хожу с чокнутым контуженым замом и взводным – «зеленым» лейтенантом. Итак, сейчас быстро знакомимся, укладываешь солдат, завтра на подъем подойдешь, старшине поможешь. Я – Кавун Иван. С остальными знакомься. Прапорщик Федарович, прапорщик Голубев, лейтенант Острогин Сергей. Ну, пока все разговоры отложим. До завтра!

Офицеры, о чем-то переругиваясь, ушли спать, старшина провел проверку, и солдаты захрапели. Был второй час ночи. В казарме клубилась пыль, стоял тяжелый запах пота и грязи. Уныло я побрел в общежитие. Было пусто. Все куда-то убежали. С трудом нашел себе свободную койку, лег и утонул в глубоком сне.

* * *

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели в светомаскировке окон. На моих часах было уже время подъема, и я пошел в казарму. Вид у меня был довольно помятый. Брюки помялись, сапоги пропылились, рубашка пропотела, на щеках – щетина двух дней (побриться нечем). В общем, даже в зеркало смотреть не было желания. Мне было неуютно, но больше всего угнетала неопределенность. Вещи не разобраны – места нет, ходишь в рубашке, как зеленый попугай среди нормально одетых, а я так не люблю выделяться, бросаться в глаза.

Обитатели казармы еще храпели, в том числе и дневальные, я ушел в каптерку к старшине и разбудил его. Взглянув на часы, он с визгом выскочил в коридор и начал орать на бойцов, стоящих в наряде по роте. Сержантов эти крики и вопли разбудили и завели, они принялись поднимать подчиненных и тоже орать.

Постепенно началась утренняя суэта с одеваниями, умываниями, заправкой постелей.

Казарма представляла собой щитовое строение с открытым спальным помещением, оружейной комнатой у входа, тут же находились канцелярия, каптерки, бытовка, умывальник. В конце казармы за спальным помещением – ленинская комната! Ну и ну. И тут плакаты, планшеты, портреты. Я думал, что все будет по-походному, чисто символически, а тут все стационарно сделано – капитально! Мороки будет... Не ожидал, не ожидал.

Старшина позвал в каптерку.

– Лейтенант! Давай знакомиться! Гога Веронян. Старшина этой славной боевой роты. Уже полтора года как в Афгане, скоро домой поеду. Ротный у нас нормальный, тоже ветеран, и ему скоро домой. Он тут четыре месяца, до этого был в третьем батальоне, перевели, когда старого ротного сняли. А Беда теперь зам. начштаба батальона. Взводных пока двое, «зеленые» только-только прибыли. Зам. ротного и командир ГПВ, как и я, полтора года отвоевали. Техник роты с весны, – горланно тараторил прапорщик. – Рота в рейды ходит каждый месяц, солдаты боевые, но сейчас много дембельнется, вместо них на днях молодежь прибудет. Как вы воевать будете, не знаю! Одного взводного еще не хватает, скоро придет.

Так, за кружкой чая, я понемногу узнавал, куда я попал и с кем служу.

В дверь постучали, и заглянувший в каптерку солдат выпалил:

– Нового замполита в штаб вызывают!

* * *

В штабе полка меня и Миколу отправили в партком. В кабинете сидел седой, с сильными залысинами майор.

– Секретарь парткома майор Цехмиструк! – представился он. – Заходите, хлопцы, заходите, садитесь, разговор есть к вам малоприятный. Вы чего дисциплину нарушаете, водку пьянствуете?

– Шо? Кто набрехал? – возмутился Микола.

– Сорока на хвосте принесла! Все только за стол сели, а батька Цехмиструк уже об этом знал! Вы, молодые люди, сюда прибыли выполнять интернациональный долг, воевать. А что творите? Сразу, с первого дня пьянствовать. Не хорошо это.

– Так ведь с заменщиками по чуть-чуть, – продолжил Микола робкую попытку оправдаться.

– А-а, не пьянства ради, а для укрепления воинской дисциплины и сплочения воинского коллектива?

– Ага! – глупо ухмыльнулся Мелещенко.

– Ты хоть и хохол, как и я, а спуска не получишь, учти, – продолжал майор нас распекать. – Я вам пока даю дружеский совет, между нами, «мальчиками». Указ вышел о борьбе с пьянством и алкоголизмом – знакомы?

Мы дружно закивали. Башка с утра слегка трещала, было душно в кабинете, желудок был пуст, и организм требовал завтрака, а нотаций слушать не хотелось.

– Так вот, трезвость – норма жизни политработника! Зарубите на носу. Исправляйтесь! Еще спасибо позже мне скажете. Ну, шагайте на завтрак и крепко подумайте о своей службе в полку!

Мы угрюмо вышли из штаба.

– И какая сука успела стукнуть с утра? – возмущался Николай.

– А может, не с утра, а еще с вечера? – спросил я, размышляя вслух. – Долго ли умеючи. Тем более стучать – не воевать. Легче и для карьеры полезнее. Может, орден или медаль получит...

– Дать бы в рыло, ведь за столом, гад, наверняка с нами сидел и пил вместе.

– Ну, о себе он в парткоме, наверное, промолчал из скромности.

В канцелярии роты сидел веселый и довольный ротный.

– Что, уже взгрели?

– Да вот, вчера по чуть-чуть для приличия и знакомства, а стук на весь полк.

– Эти крысы штабные что-что, а стукачество хорошо организовали. У нас на полк два замполита полка, партком, начальник особого отдела и особисты в батальонах. Наш особист уже месяц как ловит меня, хочет «Беретту» отобрать трофейную.

– «Беретту»? Пистолет, что ли? Трофейный? Ну-у!

– Показываю один раз, и ты ее никогда не видел. Понял?

– Понятно.

Из металлического ящика ротный извлек небольшой вороненый пистолет, я такого действительно не видел. В армии, кроме ПМ, на вооружении в линейных частях других пистолетов не встретишь.

– Мне его спецназовцы подарили еще на заставе, когда стоял на Джелалабадской дороге в третьем батальоне. Кто-то натрепался, вот пытаются изъять, но где пистолет, не знают. Потом Растяжкин особисту какому-нибудь проверяющему от себя подарит как сувенир. А мне жалко, как память хочу оставить, да отдать придется, в Союз не вывезешь. Жалко, был бы наградной, провез бы, а то так просто подарили.

Иван загрустил.

– А ты мне перед заменой подари.

– Ну, ты что-нибудь учудишь с ним, а за мной хвост в Союз потянется. Нет. Я лучше нашему особисту отдам, когда что-нибудь в роте случится. Но пока время не пришло.

– Ваня! Давай сегодня вечером после отбоя за знакомство мою вторую бутылку водки приговорим с офицерами. Надо ж представиться коллективу.

– Никифор! Знаешь, я сам не пью, печень болит после желтухи. Нагрузки в горах большие, тяжело. Офицеры – взводные молодые, оба, как и ты, только из Союза, обойдутся, а с прапорщиками не надо. Лучше заму отдай, Сереге Грошикову, он это дело любит, свою контуженую голову поправляет. Вчера из госпиталя возвратился.

Дверь открылась, и на пороге с широкой глупой улыбкой, касаясь головой дверной притолоки, стоял зам. ротного. Легок на помине. Шагнул в канцелярию, задев макушкой о косяк дверной коробки, поздоровался.

– Черт! Двери низкие, не по людям сделаны.

– Ну, мы проходим, а жирафы должны сгибаться, – рассмеялся ротный. – Выздоровел после вчерашнего? Не хулиганил?

– Не издевайся, я же недавно из Союза, хулиганить рано. Как рота? Все нормально с утра?

– Вот знакомься – замполит Никифор Ростовцев. Сейчас взводные подойдут из столовой, не видел еще?

– Нет. Как они? Старшина говорит – бестолковые, да? – поинтересовался Грошиков.

– Есть такое дело. Ну, будем учить. Это был первый рейд. Не научатся, не поумнеют – не выживут.

– Ты, замполит, внимательней к нам, ветеранам, прислушивайся, приглядывайся, вникай во все, учись. Тебе бестолковым быть нельзя. Во второй роте один был бестолковый, месяца не прожил. Потом узнаешь все про эту историю, – подытожил разговор Сергей, уже обращаясь ко мне и оценивающее разглядывая меня. – Маловат ты и худой какой-то.

– Рост средний, зато я мишень небольшая, и по моему силуэту труднее попасть. А худой оттого, что в ТуркВО больше года – высох, да я еще вторую неделю по дорогам мотаюсь, толком ни пожрать, ни поспать.

– Ха! Ну, у нас тоже не поспишь и не поешь много. Не туда попал, не на курорт, – рассмеялся ротный, – готовься – через неделю в рейд. Занимайся с людьми, получай обмундирование, надо за тобой автомат быстрее закрепить. Слушай, Серега, он тебе «пузырь» привез!

– Да ну? Вот молодец! А почему мне? А сам как же, не пьешь?

– Уже не пьет. Вчера выпил, сколько надо было для приличия с Алексеевым, и сразу стукнули в партком, козлы.

– Ага, а мне, значит, можно?! Хотя мне плевать. Я контуженый. Пусть стучат. Гони водку, замполит! Выпьем с Колобком и Голубевым за твое здоровье. Что б ты сто лет жил и не болел!

Я вздохнул с грустью и пошел в каптерку, достал из чемодана «Столичную» и почти торжественно вручил Сергею. Он сгреб ее своей огромной лапой и, высоко подпрыгивая на длинных ногах, убежал, крикнув на бегу:

– Спасибо, братан!

– Вот так! До завтра его уже не увидим. Колобок не наш, он комсомолец батальона, а вот Голубева мы перехватим, это командир ГПВ (гранатометно-пулеметного взвода), пусть, старый, людьми занимается. Оружие все чистить нужно.

Первый день закрутился каруселью. Мы с Миколой представлялись командиру полка, начштаба, зам. комполка, обоим замполитам, комбату, зам. комбата. Знакомства, беседы, беседы, беседы...

Секретарь парткома после общего построения задал глупый вопрос, от которого мы вообще ошалели:

– А когда вы собираетесь вставить на партучет в дивизии, товарищи лейтенанты?

Коля глупо улыбнулся и переспросил:

– А что, нужно куда-то ехать? А далеко?

– Штаб дивизии – в Баграме, там и парткомиссия, и партучет. На БТРе ехать часа два-три, как повезет.

– Это не опасно? – поежился Мелешенко.

– Вообще на дорогах все время стреляют, и в принципе опасно везде. Это же война. Я сам уже три раза за два месяца туда мотался. – И на лице партийного начальника отобразилась вся глубина тоски и ужаса от воспоминаний о пережитых поездках.

Он был крепкий мужик, лет сорока, очень высокий, наверное, метр девяносто, голова с глубокими залысинами, волосы тронуты сединой. Морщинистое лицо, довольно огрубелое, видно, служба была не в теплых местечках. Почти пенсионер и такая напасть – военные приключения. Седой как лунь – и все майор.

– Я, хлопцы, кроме штаба дивизии еще нигде не был. Сами понимаете, документация, прием в партию, собрания. Но у нас два батальона стоят на дорогах, нужно будет скоро проехать по подразделениям, – продолжил он, грустнее с каждым словом. – Один стоит в «зеленке» и на дороге к Баграму, а второй – по дороге на Джелалабад. Пока туда никак не вырваться. Ну а вы давайте-ка побыстрее в дивизию. Кстати, сегодня туда вылетают проверяющие из штаба ТуркВО. Они у нас в полку сегодня работают. Через час с аэродрома вертолет заказан, ехать не хотят, лететь желают. Клубный автобус уходит от штаба полка через полчаса. Берите документы, и вперед, если в батальоне возражать не будут, – майор ободряюще улыбнулся.

Мы побежали в роты за документами. Микола радостно скакал рядом и восклицал:

– Отлично, лучше слетаем под охраной (все ж комиссия округа!), чем будем трястись в БТРе. Бежим быстрее.

Ехать в дивизию в форменных рубашках, а не в полевой форме, не хотелось. Надоело быть новичком, а переодевшись, не так бы бросался в глаза. Но раз есть оказия, что ж отказываться от удачной возможности.

Объяснив ситуацию ротному и получив добро, через двадцать минут я стоял уже у штаба.

Николая еще не было, но, к моему удивлению, он оказался в подъехавшем автобусе вместе с начальником клуба.

Пухлый капитан Володя позвал меня в салон.

– Вот, ребята, сейчас снимусь с партучета в дивизии и домой! Квартира в Питере, возвращаюсь туда. Как надоела эта жара, скорей к родным дождикам.

Мы понимающе улыбнулись.

Из штаба важно и неторопливо вышли два полковника и в сопровождении командира полка направились к нам.

– Вы кто такие? – поинтересовался строго один из них.

За нас ответил начальник клуба и разъяснил, что мы хотели бы попросить их взять нас на борт вертолета.

– Ну, хорошо! Летите, – снизошел до нас один из холеных проверяющих.

– А где охрана? – удивился строгий полковник.

– Охрана? – озадаченно почесал затылок командир полка и, выпучив глаза на прапорщика, старшего машины, заорал: – Где охрана? Бегом в артдивизион, начштаба сюда! Почему охрана еще не здесь? Где два автоматчика? Быстро!

Начальник клуба утащил нас в глубину автобуса и, давась от смеха, пояснил, что командир и не думал давать охрану. У водителя есть автомат, а у прапорщика гранаты валяются в бардачке. Эта казарма артдивизиона – ближайшая, потому туда и послал прапорщика.

Вскоре примчался растерянный майор-артиллерист вместе с двумя вооруженными автоматами солдатами. У одного из них лицо было помятое и заспанное.

– Наряд по батарее, наверное, снял, – засмеялся капитан.

– Почему опаздывает охрана офицеров штаба округа? – принялся орать командир. – Я же приказал стоять им здесь еще полчаса назад! Разгильдяи! Я с вами разберусь, товарищ майор!

Командир кричал, не позволяя опомниться начальнику штаба артдивизиона, а тот не мог понять, за что его «дрючат».

– Солдаты, быстро в автобус, а вы – ко мне в кабинет!

И пожав руки полковникам, командир закрыл дверцу автобуса. Мы тронулись в путь, а командир похлопал по плечу артиллериста и отправил в казарму.

Мы оглянулись и увидели всю эту картину: обалделый майор, так и не понявший, за что получил нагоняй, вытирал пот с лысины и пухлого лица.

– Выкрутился «кэп», – прошипел нач. клуба. – У нас по Кабулу с охраной не ездят. Это для вот этих тыловых пыль в глаза пускаем. Они из-за одного своего присутствия здесь себя героями считают.

Наконец поехали. Мы с интересом рассматривали город: узенькие улочки, глиняные дома, немногочисленные дворцы, встречались и роскошные особняки. По пути попался район пятиэтажек нашей, советской постройки. Капитан время от времени комментировал поездку как заправский гид.

Проверяющие задумчиво молчали, а солдаты дремали, обхватив автоматы. Солдат спит, а служба идет.

На аэродроме мы подъехали прямо к вертолету, нас внесли в полетный лист – и сразу взлет. Прильнув к иллюминатору, я с любопытством туриста рассматривал афганский пейзаж с высоты полета птицы. Но только поднялись, как, перемахнув через горный хребет и пролетев над частью широкой долины, сели у скопления казарм на вертолетной площадке дивизии.

Нас с Николаем принял неприятного и надменного вида подполковник по фамилии Байдаковский.

Он «докопался» до нашего внешнего вида, до формы одежды и все время бубнил и бубнил. Распекал за все подряд. Как объяснил подполковник, он здесь недавно и не допустит распушенности и расхлябанности, будет бороться с анархией боевиков из рейдовых батальонов. Наконец, он от нас отвязался. Пока нас «дрючили» и воспитывали, пока мы сидели в кабинете партучета, стало смеркаться.

На КПП нам дежурный сказал, что сегодня никаких попуток в Кабул не будет, может, завтра.

А что же нам делать? Где ночевать? Да и есть ужасно хотелось. Мы потерянно брели обратно в политотдел. И, о чудо! Начальник клуба вырулил прямо на нас.

– Мужики! Я с ног сбился вас искать! Где шараетесь? Я тоже завис тут до завтра.

– Володя! Ты ужинал? Мы уже очумели от голода!

– Вы без меня и от бессонницы бы охренели. Пошли в столовую, что-нибудь придумаем.

Он поболтал с кем-то из местных, и недовольная официантка, презрительно глядя на нас, принесла ужин.

– Ребята, сейчас быстро едим, потом идем в клуб на концерт, а затем в общежитии найдем, где перекантоваться до завтра.

В клубе уже не было свободных мест, но Володя согнал трех солдат, и мы уселись в уголке.

Концерт шел часа полтора. Но больше всего запала в душу песня «Кукушка»: «Десять, девяносто, сто – сколько жить осталось лет считает». И еще одна песня – бодряя:

Мы выходим на рассвете,
Над Баграмом дует ветер,
Раздувая наши флаги до небес.
Только пыль встает над нами.
Гордо реет наше знамя,
И родной АКМС наперевес.

* * *

– Товарищи лейтенанты! Вы прибыли в полк не дурака валять, а служить. Чем вы занимались? Что вы делали? Документацию приняли? С людьми познакомились? Боевые листки после боевых действий выпущены? Пьянствуете? – кричал майор Золотарев, замполит полка.

Он продолжал нести какую-то чепуху, этот круглый майор, свежий выпускник Политической академии. На душе закипала злобная ярость, я готов был его придушить от внезапно нахлынувшей ненависти. Люди воюют, занимаются делом, а тут такой бред.

Микола пообещал все упущения устранить, и мы дружно выскочили из кабинета.

Вот так встреча с начальством после возвращения из Баграма!

– Вот сволочь! Ты смотри, какой холеный, гладкий. Гад блатной. Тридцать лет, а уже замполит полка, – возмутился я.

Майор Золотарев нам обоим жутко не понравился. Скользкий, бегающий взгляд, он был какой-то весь мешковатый, говорил монотонно, противным дремлющим голосом, речь как у новобранца, призванного в армию из сельской глубинки.

С Николой они лицом были чем-то похожи. Второй замполит по спецпропаганде продолжил накачку о том, чем надо заняться. Ленкомнатой, наглядной агитацией...

Секретарь парткома и секретарь комитета комсомола потребовали восстановления партийной и комсомольской документации. Пропагандист – оформить планы работы с личным составом за этот год. Какие могут быть планы, меня же полгода не было тут? А в ответ: «Принимать надо было хозяйство от предшественника».

Да, дела! У Миколы ситуация не лучше. Не было ничего – совершенно никаких документов.

Я перерыл бумажки Алексеева. Какие-то листочки, обрывки, начатые тетрадки, да и написана в них была сплошная белиберда. Ну и влип. От чего уехал, к тому и приехал.

Нашел пару сержантов, числившихся комсоргами, заставил под диктовку заполнять дневники комсгруппиров. Бред! Они смотрели на меня круглыми глазами, как на мудака. Я и сам себя ощущал полным идиотом. Люди с боя пришли, а я какую-то ахинею диктую.

Нашелся солдат, умеющий рисовать и с хорошим почерком, опять же под мою диктовку, он сделал четыре боевых листка для взводов. На обороте старой стенгазеты выпустили новую. Ватмана не нашлось.

А в ленкомнате работы!

Неделю писал, писал, писал. Диктовал, диктовал. Разгреб весь завал за семь месяцев.

Неустроенность продолжала лежать на душе камнем. Спал в каптерке рядом со старшиной, там поставили вторую койку для меня: мое место было занято еще не уехавшим Алексеевым.

Каждую ночь город обстреливали реактивными снарядами. Некоторые из них падали на территорию полка. Стреляли из-за горы, возвышавшейся над нашей частью, с противоположной стороны. Между казармами после второго обстрела, когда осколками ранило троих гражданских служащих и прапорщика, командир приказал вырыть щели-укрытия. Снаряд пробил крышу модуля, когда ребята сидели за очередной бутылкой водки. Не все даже поняли, что произошло. Это избавило их от болевого шока.

– Видимо, большой караван пришел из Пакистана – реактивные снаряды совсем не экономят, – задумчиво произнес Кавун ночью во время очередного обстрела.

– А почему, Ваня, наша артиллерия их никак не накроет? – поинтересовался я.

– Попробуй их вычислить! Район большой, а ни одного поста, вот и нет для орудий корректировки. С вечера на ослах и барбухайках (машинах) подвезут сто-двести эрэсов, а

затем с доски стреляют. Два «духа», провод, батарейка – вот и все. Шума много – толку мало. Не прицельно, не эффективно, но очень громко. Главное, на психику давит, и отчетность наглядная каждый день.

Утром все иностранные корреспонденты докладывают на Запад про успехи повстанцев.

– Часто так обстреливают?

– Нет, такого еще не бывало. Что-то замышляют. Но я думаю: эта наглость долго продолжаться не будет, что-нибудь предпримем. Вот тут-то и начнется наша с тобой работа, Ник!

Какое-то время я, как и все ночью, сидел в окопчиках, но потом надоело. Утром, не выспавшись, работать тяжело, и старшина предложил дрыхнуть в каптерке на матрасах.

– Если будет прямое попадание, то в окно, возможно, успеем выпрыгнуть. В принципе могут и в блиндаж попасть.

Ротный принял решение больше не прятаться. Я составил ему компанию на соседней стопке одеял.

Тут начался новый аврал – пополнение. Пополнение было худое, затурканное, замученное. Солдаты стояли и смотрели на нас, офицеров, затравленными, испуганными глазами.

Быстро отправили дембелей в Союз, чтоб не мучили молодежь, не мешались.

Когда я уже завывал от бессильной злобы на этот «бумажный дурдом» и нервотрепку, пришел из штаба ротный и объявил:

– Все! Завтра на боевые! Радуйся, замполит, отдохнешь от бумажек. На войну!

Ура! На войну. Завтра. Ну и дурак же я! Чему радуюсь? Зачем сюда поперся? Война! А вдруг убьют?.. Напросился сам, и обвинить было некого. Доброволец хренов.

Первый рейд

Рота гудела и суетилась, как растревоженный улей. Завтра – выход в боевой рейд, операция в районе поселка Пагман. Меня била мелкая дрожь возбуждения от неизвестного, неизведанного. Завтра могут и убить – «вот пуля пролетела, и ага!». Готов ли я морально и физически, сам не мог понять.

– Замполь! Нервничаешь? – поинтересовался ротный.

– Да, есть немного. Не знаю, что взять, что надеть?

– Ну, ничего, мы со старшиной оденем. Итак! Я тебе подарю свою вторую песочку – костюм такой, очень удобно ходить в жару, он как из парусины. Дам лифчик-нагрудник. Спальник и кроссовки есть?

– Спальник мне подарил Алексеев, а кроссовки куплю.

– Вот и хорошо, а остальное имущество старшина выдаст. Давай, шуруй в каптерку.

В каптерке старшина-армянин, довольный вниманием к нему, обрадованно засуетился вокруг меня. Выдал фляжки, вещмешок, ложку, котелок.

– Давай, замполит, не дрейфь. Веронян тебя и соберет-проводит, и дождетя. Все живыми вернетесь, все будет хорошо.

Получил закрепленный за мной АКС-74, взял четыре гранаты, две пачки патронов в лифчик и четыре рожка, снаряженных патронами, пару сигнальных ракет. Кинул в рюкзак мешочек с еще парой сотен патронов.

Взводные проверяли готовность бойцов, продолжалась суета, и конца ей было не видно. Носили сухпай в БМП, стоящие в автопарке, пополняли боекомплект, носили баки с водой, вещи и грузили, грузили, грузили. Из каптерок волокли старые матрасы, чайники, какое-то огромное количество барахла. Сначала мы сами выявляли недостатки. Проверяли снова и снова, осматривали экипировку.

После обеда начальник штаба построил батальон. Зло шевеля усами, ходил по ротам, орал, язвил, ругал командиров рот и дал время на устранение еще уймы недостатков.

Через час построил батальон вновь и доложил комбату о готовности.

Комбат, подполковник Цыганок, бродил по ротам ленивой походкой, всем видом показывал, что он болен, устал и делает одолжение этому батальону, проверяя его. Затем пошел докладывать в штаб о готовности.

На боевые вел начштаба майор Подорожник. Комбат сачковал, зная, что через месяц уходит на повышение.

Через час теперь уже офицеры управления полка изучали готовность тех, кто шел в рейд. Командование строевой смотр решило повторить, но времени не хватило, сроки выхода сократили.

Ротный показал мне БМП, на которой предстояло ехать старшим.

– Садись на башню, самое идеальное место, а бойцы сами знают, где и как ехать. Главное – это будь всегда на связи.

Я забрался на машину, сел на край люка, солдаты разместились на броне, и вскоре полк начал медленно вытягиваться в колонну.

Между колесными машинами вставали БМП-2 для защиты тыловых подразделений. Техника не спеша выдвигалась из полка и растягивалась по дороге. Когда головные машины миновали дорогу к штабу армии, замыкание колонны полка еще подтягивалось из парка.

Ко мне на БМП сел старший лейтенант из управления полка – секретарь комитета комсомола Артюхин.

– Григорий! Ты что, меня пасти будешь?

– Да нет, я от замполита полка послан с батальоном, ну и с тобой веселей будет. Матрас в десантное отделение бросил?

– Да, бойцы в каждый отсек их накидали.

Гриша Артюхин раньше служил в разведбате, а в Афгане находился уже год, он был старше меня года на четыре, очень самоуверенный и меня просто раздражал своими нравов-учениями. Я с ним познакомился в день отъезда Алексева, они вместе учились. В нашей комнате он показал мне и Мелещенко несколько фотографий, от вида которых я оказался в шоковом состоянии. Это были снимки ущелья, заполненного трупами наших солдат и афганцев. В основном афганцев. Они лежали вповалку друг на друге, истерзанные и окровавленные. Григорий пояснил, что это Панджшер – лагерь пленных. «Духи» всех расстреляли, отступая, когда разведка его обнаружила, и наши попытались штурмом освободить лагерь. Работа подручных Ахмат Шаха, его банда потрудились. Кошмар и ужас.

Уже вечерело, мы входили в центр Кабула. Множество разных кунгов выехали из штаба армии, еще больше тыловых машин, поэтому мы ползли очень медленно.

Августовское солнце нещадно палило, броня была раскалена, несмотря на то что день заканчивался и солнце клонилось к горам. Полк застрял напротив здания афганского Минист-стерства обороны. Стояли долго, бойцы дремали, привалившись друг к другу, держась за автоматы, засунутые прикладами между фальшбортами.

– Ники! Я завтра высплюсь, а тебе чего рядом сидеть? Ложись в десант, потом поме-няемся, – предложил старший лейтенант.

– А связь?

– Я на связи посижу, давай шлемофон, – успокоил Григорий.

В левом десантном отделении было пусто, я бросил рядом автомат, лифчик не расстегнул, захлопнул люк, но сон не шел. Лежал, скрючившись, и нервничал: а вдруг из гранато-мета в борт бахнут, вдруг подрыв, а вдруг нападение. Было душно, неудобно, непривычно.

Колонна двигалась короткими рывками, метров по сто-двести. Трясло, качало, и тут меня понемногу сморило, снилось что-то мирное и домашнее.

Резко распахнулся люк. В кроссовки кто-то пнул. Спросонья схватился за автомат и начал отбрыкиваться ногами.

– Ника! Ник! – пытался разбудить меня «комсомолец». Он принялся усиленно трясти меня за ногу и вытягивать наружу.

Голова постепенно начала соображать, и реальность возвратилась со всей своей гне-тущей тяжестью бытия. Свежий воздух заполнил десантное отделение, мозги прояснились. Тельняшка, мокрая от пота, липла к телу. Выбрался на асфальт. Колонна стояла в центре города. Мы все еще в Кабуле!.. Звездное небо было чистым, ни облачка, ни тучки. Ночная прохлада освежала, город спал, и только техника злобно урчала, загаживая выхлопными газами воздух. В ответ лаяли собаки.

Мы поменялись местами с Григорием, я сел на башню, свесив ноги в люк, надел шле-мофон, повесил на крышку люка автомат, огляделся. Бойцы по-прежнему дремали. Меха-ник нервно курил: спать нельзя, и поэтому ему было досадно. Наводчик-оператор храпел в башне, откинувшись на сиденье. Зам. комвзвода Назимов, из старослужащих, лежал на башне между люками, задрав ноги на пушку. Интересно, как это он держался во время дви-жения и не упал?

Я поднял голову вверх, посмотрел внимательно и обомлел. Черное небо все в звездах было огромным и бесконечным. Чем больше я в него глядел, тем больше казалось, что оно опускается все ниже и ниже, а я влетаю в него. Эта картина успокаивала. Чаще всего по ночам люди спят и не видят звезд. А вот когда на них долго смотришь, как я сейчас, то словно летишь среди звезд.

Действительно, возникало ощущение полета в бесконечность, бесконечность, которую трудно понять. Она реальна и нереальна.

Колонна продолжала медленно ползти. На перекрестке стояли БТРы комендантской службы, на земле сидели «царандоевцы» (афганское МВД) и грелись у костерков.

Дремота из-за унылого движения техники со скоростью пешехода не исчезала. Даже ночная прохлада сон не разгоняла. Механик-водитель во время остановки заботливо накинул мне на плечи бушлат. В наушниках слышно было, как время от времени начальник штаба батальона кого-то ругал, но в основном раздавалось только шипение радиостанции.

Под утро я уткнулся лбом в люк и оказался в мире непонятных и жутких сновидений.

Солнце выбралось из-за горного хребта быстро, как будто спешило излить свою огненную злобу на пришедших чужаков. Ветер приносил утреннюю свежесть, пока было прохладно. Колотила нервная дрожь.

Вся долина, куда собиралась техника батальона, медленно заполнялась машинами множества штабов.

Вдруг раздался грохот, и налетел огненный смерч. Установки «Градов» и «Ураганов» начали сеять смерть в горах, посылая вдаль снаряды. Огненные хвосты исчезали сериями в небе. Не хотелось бы попасть туда, куда эти снаряды упадут. Они были похожи на кометы, только не падающие, а взлетающие. Но где-то эти кометы обрушатся на землю и будут сеять смерть.

Батальон рассредоточился на ротные колонны, занял оборону, экипажи принялись строить небольшие укрепления из камней вокруг машин.

Пехота, матерясь и подгоняя друг друга, начала строиться у БМП повзводно и поротно. Ротные ушли на КП полка. Пока мы разбирались с солдатами, Кавун вернулся.

– Офицеры, ко мне! Прапорщик – тоже, – сказал он специально для командира гранатометно-пулеметного взвода Голубева (старый пройдоха попытался прилечь у пулемета). – Задача такая: рота действует отдельно. На трех машинах нас подбросят вот к этой отметке. – Ротный ткнул в точку на карте. – Седлаем хребет над шоссе и контролируем соседний кишлак, все подходы к дороге. Ждем удара со стороны горы Курук, ну и вообще отовсюду. Рядом не будет никого. Техника сразу уйдет, – продолжил ротный.

Ваня почесал затылок и, сморщив веснушчатый нос, проронил:

– Эх, где же моя долгожданная замена!

* * *

Вот уже десять минут, как мы ползли по склону все выше и выше. Первый подъем в горы.

– Ну, как дела, Ника? – спросил командир роты.

– Тяжеловато, жарко! – промямлил я ему в ответ, желания болтать не было.

– Это все ерунда пока. Разминка. Вот когда тысячи на три будем ползти или совершим марш километров на тридцать по хребтам, вот тут ты маму-папу вспомнишь, пожалеешь, что родился. А пока тренируйся, привыкай, – посоветовал он и дружески похлопал меня по спине.

В ложине двигались два силуэта. Кавун взглянул в бинокль и задумчиво сам себя спросил:

– Что за черт этих баб здесь носит?

Вдруг раздался выстрел, и одна из женских фигур завалилась на бок, узел, который она несла, упал к ногам.

– Кто стрелял?! – заорал Иван. – Какая сволочь бабу убила? Кто?

– Я стрелял! – задорно крикнул, закидывая снайперскую винтовку за спину, солдат. – Еще не известно: под этой паранджой ханумка или «дух» бородатый.

Это все произнес Тарчук, один из двух спецназовцев, которые после госпиталя попали к нам в батальон перед рейдом на доукомплектование. Ротный подошел к нему вплотную, зло взглянул в глаза снайперу и резким ударом в челюсть сбил его с ног.

– Без моего разрешения даже не дыши! Еще один такой выстрел, мудака, и ты труп! За эту бабу нам таких п...лей могут навалить. А роте тут целую неделю сидеть. Если что случится, я тебе вторую ноздрю разорву. – Одна из ноздрей солдата была рассечена, вся правая щека – в шрамах от осколков. – Тут тебе не анархия, спецназ забудь. Я для тебя царь и бог. – И слегка пнув в бок снайпера, ротный переступил через него.

Тарчук что-то прошипел, я склонился над ним.

– Что шипишь, как гадюка? Зубы, может, мешают? Добавить?

Такой ласки от меня солдат не ожидал. Он сел, сплюнув кровь себе под ноги, и ехидно пробормотал:

– Руки распускает ротный, неуставные взаимоотношения. А замполит не замечает, да?

– Нет, замечаю, могу добавить. А пикнешь – пойдешь под трибунал за бесчинство над местным населением. Заткни пасть, вытри физиономию и шагай в гору.

Я догонял капитана, пот лил ручейками по лицу и спине, снаряжение тянуло назад, ноги вверх идти не хотели, но все же, преодолевая тяжесть в ногах, добрался до легко шагавшего командира.

– Командир! Может, не надо было ему морду разбивать? Стуканет в полку, шуму не оберемся!

– Не стуканет. «Ноздря» будет молчать. Не понимаешь еще, какая сволочь к нам попала? Убийцы. Мало ли за что его к нам сослали. После госпиталя в спецназ не забрали, а сбагрили нам. А почему? То-то и оно, что сволочь, видно, большая, вот они его и сплавил. Наркоша наверняка! Присмотрись. Надо и нам от него избавиться. Устроил, гад, приветствие от «шурави» аборигенам.

Через полчаса рота выбралась на небольшое плато. Командир разделил роту по трем точкам. Первый взвод и ГПВ посадил чуть выше, второй взвод и зам. комроты – на левую вершинку, третий взвод и управление с приданными саперами, минометчиками с минометом, арткорректировщиком – справа и по центру плато.

Солдаты бодро и дружно взялись строить что-то непонятное.

– Иван, что они городят?

– А это эспээс называется – стрелково-противопульное сооружение. В таких эспээсах спать будем, а если нападение, то из них отбиваться. В горах окопы не роют.

– Понятно, а я-то думал: как мы оборону будем занимать? Я все ломал голову: что же будет дальше?

Ночь приближалась. Вокруг на многие километры других наших подразделений больше не было.

Как быть с охраной? А если все заснут, и нас перережут во сне? Почему ротный не отдает приказы?

Ротный заулыбался в ответ на мою тревогу.

– Ник! Они все знают и без меня. Зам. комвзвода сейчас распределяет по времени и по количеству постов солдат. Мы, то есть ты и взводные, ночью будете их проверять, чтоб не спали и охраняли мой сон заменщика. – И он заулыбался своей красивой улыбкой.

– Пошли обедать!

– Да я еще ничего не достал и не открывал сухпай.

– Эх! Всему тебя учить! Солдаты давно все приготовили. Отдай зам. комвзвода свои банки в общий котел, а они все сделают и позовут. Санинструктор, чай готов? – рявкнул Ваня.

– Чай, чай, – проворчал сержант Томилин. – Я шо, кашевар, что ли? Наверное, узбеки уже усэ сварили.

– Так уточни! А то сам будешь кипятить. Ты что не беспокоишься о здоровье командира-заменщика? Чем недоволен, Бандера?

– Чем недоволен, чем недоволен? – забурчал Степан. – Один идиот выстрелил, а теперь п...лей получит вся рота! А мне потом перевязывать. Вбыв бы дурака!

– Степан, не философствуй, не бубни, не разглагольствуй. Сказано про чай узнать, а не насчет придурков возмущаться.

Томилин, ворча под нос, ушел к разведенному за грудой камней костру и, все еще ворча и чертыхаясь, пришел с двумя кружками.

– Чай подан! – произнес он с достоинством и высокомерием опытного официанта ресторана «Метрополь». – Сейчас будет еще и каша.

– А бифштекс? А фрукты? Витамины где? – с наигранным изумлением произнес Кавун.

– Нема ничего бильше.

Иван, притворившись раздосадованным, вздохнул и попытожил:

– Да, Степан, не видать тебе дембеля, если будешь меня так плохо лелеять. Я же до замены не дотяну. Печень большая после желтухи, чем будешь ее спасать, медицина?

– Може вашей сгущенкой!

– Ну вот, – улыбаясь, продолжал театр одного актера командир, – сгущенка опять моя, нет чтоб своей лечить!

– Свою я и сам зым, тоже пора здоровье беречь к дембелю.

– Здоровье беречь! Тебе еще год по горам ползать!

– Не год, а восемь месяцев!

– Эх, если б мне столько еще было, я б, Степан, повесился!

– А шо тогда замполиту делать з его двумя роками? – съехидничал сержант.

– Два раза повеситься! – весело заржал капитан. – Лейтенант! Ты даже представить не можешь, сколько тебе не то что до замены, до отпуска! Ну, не грусти, пей чай и береги здоровье. Расслабься.

Я сразу загрустил от нахлынувших мыслей о предстоящих двух годах с их бесконечными походами по горам.

– Кто-то идет к нам, и не понятно, як! – доложил подошедший зам. комвзвода сержант Дубино.

– Как это «не понятно, как»? – переспросил ротный.

– А так! Вы посмотрите.

В распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону на одной ноге, опираясь на костыль и палку, скакал парнишка. Прыгал, поднимаясь к нам, да так ловко, что вскоре был уже рядом и что-то кричал.

– Просит не стрелять, – перевел пулеметчик-таджик.

– Зибоев, скажи, пусть хромает сюда, не тронем. Всем по эспээсам и не торчать столбами, чтоб не сосчитал. Зибоев, переводить будешь!

Через пару минут на вершину выбрался мальчишка без правой ноги ниже колена, опирающийся на самодельные костыли. Весь черный то ли от загара, то ли от грязи. Сверкая белыми зубами, сразу начал что-то быстро быстро рассказывать.

– Говорит, что они из кишлака – того вон, рядом у дороги, просят больше не стрелять, кишлак не трогать, его не обижать, овец не убивать, – перевел солдат.

Командир заверил его, что все будет нормально, стрельбы не будет, если в нас не будут стрелять.

– А зачем ханумку убили? – перевел Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера и с простодушным видом ответил:

– Переведи ему: не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. А если кто-то не верит, захочет отомстить, разнесем весь кишлак. Пусть садится чай пить.

Мальчишка ловко сел на землю, опираясь на костыль. Солдаты выделили ему банку с налитым в нее кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар.

Я глядел на мальчишку, и мне было дико от этого зрелища. Пастушок без ноги, совсем ребенок, лет одиннадцать-двенадцать. Но как ловко передвигается. Вот он – один из кошмаров войны. Одна из невинных жертв этой «мясорубки». Война становилась все реальной, принимала все более ясные очертания.

– Что с ногой? Ты, наверное, душман? Ногу «шурави» отстрелили? – пошутил санинструктор. – Хочешь, пришью. Я медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро трещать переводчику.

– На мину наступил года три назад, давно привык, обойдется без пришивания ноги, – перевел Зибоев.

Паренек встал на ногу, подхватил костыли, попрощался и заторопился вниз к отаре и второму пастуху.

– Парламентер! Все обсмотрел, всех сосчитал, чертенюк, если «духи» рядом – все будут про нас знать, – подвел итоги переговоров командир. – Офицеров ко мне на совет.

Когда командиры собрались, Иван поставил задачу на ночь:

– Охранение усилить! Офицерам проверять посты всю ночь. Пастухи – это «духовская» разведка. Еще, твою мать, бабу убили зазря! Тарчука самого бы вместо нее прибить на месте. Мины собрать с взводов к миномету, ленты к АГС и «Утесу» снести, не забыть. Связистам не спать, быть постоянно на связи, поставить растяжки из сигналок и гранат, но подальше, а то свои, засранцы, подорвутся. Да ставить, как стемнеет, и чтоб не видно было, где ставим. И поаккуратней, чтобы сами ставящие не подорвались. Про ханумку я не докладываю, и ты, замполит, не сообщай. Местные, может, тоже жаловаться не будут, тут ведь территория «духовская». Думаю, все обойдется.

Вечерело. Солнце заползло за горный хребет. На душе было муторно. Мы убили женщину. Ни за что. Мальчик бегаёт без ноги и пасёт отару овец. Все это «благодаря» нашей интернациональной помощи. А «духов» я еще не видел.

Солнце резко упало за вершину горы, и природа вся задышала. Сразу подул легкий свежий ветерок, трава ожила, послышалось трещание сверчков.

Кавун окликнул меня из укрытия:

– Ник, ты чего не ложишься? Сейчас Бандера, толстожопый, разляжется, тебе места не будет. Надо скорей устраиваться, пока он с радиостанцией на всю лежанку не развалился!

– Так уж и толстожопый! Я просто в кости широкий, – отшутился Томилин.

– Степан! Ты почему на Бандеру не обижаешься? – поинтересовался я.

– А чего обижаться, хороший быв чоловик. Люди его любят.

Я опешил. Вот те раз. Этот хохол с Западной Украины меня озадачил своим заявлением.

– Томилин! Ты же комсомолец! Бандера – бандит!

– Ну так уж и бандит, у нас у сели тильки так не считают.

Ротный заржал.

– Томилин, ты ж комсомолец! Это ж как в анекдоте: и пулемет застрочил с новой силой без патронов. Ха-ха. Вот так, замполит, хохол хохлу рознь. Правильно, Степан?

– Я не хохол, я украилиця! – поправил важно Томилин с сильнейшим украинским акцентом.

– А я хохол, – уточнил ротный, – и жить буду там, где лучше.

– Вань, – чуть позже толкнул его я и спросил: – А в чем разница: хохол, украинец?

– Ах-ха-ха! Об этом у начальника штаба Иваныча спроси. Он любит на эту тему разглагольствовать. Все. Спать давай.

Я лежал и смотрел в черное-черное небо. Сон не шел. Было неудобно. Война под боком, внизу – «духовской» кишлак, где-то рядом – банда, их, может, больше чем нас, а мы спокойно завалились и спим, выставив небольшое охранение. Снимут часовых и перережут как баранов.

Легкий ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя было просто замечательно. Только камушки кололи в спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок. Неудобно, непривычно. Закрыл глаза, но глаза сами собой открывались. Небо было настолько великолепным, а звезды такими необыкновенно яркими и близкими, что опять возникло ощущение полета. Было никак не уснуть. Ворочаться не получалось, так как наши тела были спрессованы малым пространством укрытия. Я расстегнул молнию на спальном мешке и вылез, стараясь не помешать сопящим соседям.

Надел кроссовки, взял автомат и стал обходить посты. Все три поста управления меня окликнули. Солдаты еще не спали, и бодрствовали не только часовые.

Лейтенант Саня Корнилов болтал с арткорректировщиком, подсев к ним, попил душистого чая, мы потравили анекдоты. Но жутковатые, неприятные ощущения не пропали. Александр, как и я, пошел в первый раз на боевые, и чувствовалось, что нервничает не меньше. Обговорили очередность проверки постов, завел часы на четыре утра – мое время проверки и вернулся к своему «ложу».

Храпел санинструктор выразительно, но после солидного тычка в бок сразу ответил:

– На связи. Усэ нормально. Не сплю.

– Ну и не спи, а то хранишь, как паровозный котел.

– Так я шо, я ведь слышу усэ. Сна ни-ни, та вы ж ошиблись.

– Глаза закрыл, наверное, сало привиделось, вот и захрапел.

– Не, я дивчин люблю бильше сала.

Со второй попытки я уснул быстрее.

Утром запиликал будильник на электронных часах, и я нехотя открыл глаза. Вылезать из теплого пухового укрытия не хотелось совсем. Еще было темно, но уже намечался рассвет. Все было пронизано сыростью выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь во всем теле и физические страдания.

Связист ответил в полудреме, что все нормально, недавно взводный бродил, проверял, во взводах все тихо и спокойно.

На постах бойцы тряслись от холодной сырости, а молодые солдаты еще и от страха.

Сколько я в низину ни вглядывался, видно ничего не было: туман накрыл ущелье. Если бы курил, то покурил бы, а так попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, я пересчитал проведенные в этой дикой стране дни. Меньше месяца.

После завтрака ротный собрал офицеров.

– Солдат нужно чем-то занять. Чтоб не бездельничали, пусть строят ячейки для стрельбы лежа, еще эспэсы для круговой обороны и по очереди чистят оружие.

Я пошел по взводам. Поговорил с молодежью. Многие боятся, устали. Как и я, плохо представляют, что может случиться в любой момент.

Зам. командира роты Сергей Грошиков позвал к себе в гости. Он сидел выше нас и хорошо устроился с прапорщиком Голубевым. Они играли в карты, а третьего, видно, не хватало.

– Ник, в «кинга» сыграем? – предложил Сергей. – А то мы, два старых контуженых воина, скучаем, как два дурака, умного не хватает.

– А как тебя контузило?

– Старая история. В Панджшере это было еще в прошлый год. Шли на вершину, а тут камушек из-под моей ноги выскользнул, скотина! Лечу по гладкой стене вниз головой, лицом вверх, как Иисус Христос, руки в разные стороны. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить, метров тридцать скользил в ущелье, пока голова на какой-то валун не наткнулась. Ни как меня нашли, ни что дальше было – ничего не помню. Когда через полчаса или час вытащили и промедола (обезболивающего) два шприц-тюбика вкололи, очухался и ржу, прямо как идиот. Твой предшественник думал, что я от страха тронулся. А меня заклинило, я ведь на голове стоял полчаса. Руки не работают, ноги не идут, голова «не варит», одежда в крови, лицо в крови. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда – в Ташкент. Оказалось, сотрясение мозга и трещина черепа, маленькая-маленькая, компрессионный перелом позвоночника, хорошо, без смещений. Вот что значит голова дубовая – все выдержала! – И Сергей раскатисто засмеялся.

– А на меня стена дувала рухнула от взрывной волны. Присыпало очень хорошо, очнулся – ничего не слышу. Водку пить запретили. Три месяца терпел, а тут еще, когда понемножку начал клясть, борьбу за трезвость начали. Вот уж действительно: пришла беда – отвориай ворота, – грустно вздохнул Голубев.

Грошиков финал рассказа прапорщика вновь сопроводил раскатистым смехом.

– Ты еще с Колобком плохо знаком. Тот дважды контужен, и у него вместо мозгов одно сплошное мозговое месиво, – подытожил Сергей.

Как же незнаком – знаком. На третий вечер приезда в полк и на второй день загула после рейда дверь нашей ротной офицерской комнаты в общаге распахнулась от сильного пинка. На пороге стояли, обнявшись, Сергей и Колобков, в тельняшках и трусах. В руках – по бутылке водки. Врубили музыку на всю катушку, и начались дикие пляски аборигенов. Ах, ох!!! Схватили каждый по трофейной сабле и давай фехтовать, а затем рубить металлические дужки коек. Когда умаялись, рухнули на койки и уснули. Мои глаза стали квадратными, потом круглыми и нормальную форму приняли не скоро. Я просто обалдел от этого «представления».

– Ну ладно, давайте играть, – сказал я.

Подбежал солдат с радиостанцией к нашему укрытию.

– Товарищ старший лейтенант! Командир роты!

– Второй слушает!

– Внизу родник, можешь сходить за водой. Прикрытие твое.

– Понял. Выдвигаюсь.

– Ник, за водой пойдем? Голубев будет здесь прикрывать, а мы водички попьем. Пойдешь? – предложил Сергей.

– Пойдем! От родника я на КП роты вернусь.

Три бойца собрали фляжки со всего взвода и, поставив для прикрытия пулеметчика на вершине, спустились к роднику.

Бойцы наполняли фляжки, умывались. Мы тоже умылись. Серега, глупо и нагло улыбаясь, вдруг заявил:

– Не люблю замполитов, хочешь сейчас тебя грохну? Из этого автомата?

Я понял, что это его очередная идиотская шутка, и поддержал игру.

– Стреляй, псих, – сказал я как можно равнодушной.

Он отсоединил магазин и направил на меня автомат.

– Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Стало неприятно и как-то не по себе.

– Хватит глупостей, придурок!

Но Грошиков, ухмыляясь, нажал на спусковой крючок, раздался выстрел. Серега поседел в одно мгновение, потом побелел как лист бумаги, руки у него задрожали, автомат упал в ручей.

– Я ж-ж жив? – с трудом выдавил я из себя.

– Ник! Прости болвана, дурака, я не понял, как получилось, что патрон был в патроннике!!! Идиот! – И он врезал себе в лоб кулаком-кувалдой. – А что ты жужжишь?

– Да как говорится, сама б-б... и шутки б-б... ские. Спасибо, что не попал.

– Хорошо, я взял выше плеча! Ну, дурак, ну, дурак. – Он продолжал находиться в шоке, как и я.

– Видел дураков, но ты дурак самый отменный!

– Как я не попал?! Как я не попал? Боже!

– Переживаешь или жалеешь, что промазал? – спросил я, мои руки и ноги при этом подергивались мелкой дрожью, сердце стучало как молот, но вида не подавал, что страшно.

Бойцы сидели как вкопанные и ошалело смотрели на нас. Было тихо, словно на кладбище, лишь недалеко журчал ручей. Пауза затянулась.

– Ротный на связи, – вымолвил солдат с радиостанцией и протянул наушник Грошикову.

Дрожащими пальцами Сергей взял наушник, ответил в ларингофон:

– Второй на связи!

Выслушав ротного, сказал:

– У нас все нормально, поднимаемся! – И уже мне крикнул: – Поднимаемся через КП. Нагруженные флягами, солдаты медленно брели вверх по склону.

– Никифор, прости меня. Я хотел пошутить, глупо получилось. – Серега обнял меня за плечи, сжал руку. – Прости, честное слово, все получилось глупо. С меня по возвращению накрытый стол.

– Да пошел ты, отвали.

– Как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Ну все, забыли, хорошо?

Наверху стоял ротный, усмехаясь, смотрел на нас, руки в карманах, лицо злое-презлое.

– Что было?

– Да я нечаянно замполита чуть не убил. Патрон в патроннике оказался. Глупо вышло.

– Мозги через дырку в башке все вытекли? Или чуть-чуть еще есть?

– Ну я пошутил, глупо получилось.

– Вижу, что не умно, на редкость не умно. В полку между рейдами все караулы будут твои. Чтоб дурь не кипела.

– Понял. Разрешите идти к себе, товарищ капитан?

– Давай, давай, и быстрее, а то еще в меня пальнешь, – насмешливо, все так же недобро глядя, произнес Кавун.

Ротный взглянул мне в глаза и вздохнул:

– С кем воюем, ну и офицеры: зеленые мальчишки и идиоты. Пойдем чай пить. Вояка... Как самочувствие?

– Да ничего, терпимо, могло быть и хуже.

– Могло... Списали бы на снайпера. Вот так. Как все было?

– Ай, глупость, глупая шутка. Идиотизм какой-то. Первый рейд – и погибнуть от пули своего же ненормального офицера.

– Кстати! Убивают, как правило, в основном новичков в первые месяцы и заменщиков, а также перед отпуском и после отпуска. Концентрации нет. Ну, вот мы с тобой в равном положении: и ты, и я в периоде повышенной убиваемости. Да только я об этой войне все знаю: знаю, когда пригнуться, когда упасть, где упасть, куда наступить, и мне всего месяц-

другой остался, а тебе еще... Кто знает, что тебе предстоит? Эх, послужишь с мое, все испытаешь.

– А что было у тебя, Ваня? Самое жуткое?

– Самое жуткое? Я тогда был ротным в третьем батальоне, стоял на дороге к Джелалабаду. В зону нашей ответственности ввели спецназ из Союза. Удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Они вошли батальоном в одно из ущелий, а поверху пустили лишь взвод. Взвод зажали, перебили за полчаса, а затем взялись за передовую роту. Мой пост был очень близко, ближе всех. На четырех БМП я примчался туда, но пробиться в ущелье не получилось: не было дороги. Когда мы подошли, бой еще шел, к нам выбрались несколько человек. Потом подоспели еще спецназовцы, и мы полезли в ущелье, но уже с хорошим прикрытием, да и вертушки помогали. Войти вошли, а добраться до них смогли только на следующий день. Вытаскивали их еще трое суток, одни трупы выносили, да еще под огнем, раненых почти не было. И вот когда спасаешься, прикрываясь покойником, и с другой стороны лежит такой же убитый пацан мордой в песок, и пули свистят со всех сторон, тогда и маму вспомнишь, и Бога позовешь. А когда жрать хочешь, то жрешь, привалившись к мертвому телу, и банку для удобства на него поставишь. Вот так-то. Первые седые волосы в моей рыжей шевелюре я после этого обнаружил.

Мертвых устали выносить. Столько крови никогда больше не видел, и надеюсь, не увижу. А Грошиков только хорохорится и бравирует, а опыта никакого. Из полутора лет он девять месяцев по госпиталям да отпускам. Надежды на него, как на опытного командира, нет. Взводные – все новички, служат по одному месяцу. Ты такой же, – и вздохнув, продолжил: – Голубев – прапорщик опытный, но трусит после контузии. Вот такие дела. Держись меня, учись, запоминай. Старайся выжить!

– Иван, ты нас все пацанами называешь, а самому-то лет сколько?

– Двадцать семь. Но из них два – каждый год за три, понятно? Уже возраст!

Мне было значительно легче. После чая и консервов стало почти хорошо. Удивительно, но после шока аппетит разыгрался ни на шутку.

– Ложись-ка спать, я твои три часа контроля на себя беру, – сказал Иван.

Еще неделю мы охраняли дорогу.

Женщину афганцы унесли и похоронили, пастухи больше к нам не приближались. По шоссе время от времени проходили колонны машин и боевой техники на большой скорости. Прямо под нашим расположением ржавело несколько остовов сгоревших машин и БТР – результаты засад мятежников.

На седьмые сутки в полночь получили задачу сниматься с позиции, создав заставу из десяти человек с тяжелым оружием и минометом. Остаться выпало Грошикову и Голубеву с расчетом АГС, пулеметом ПК и минометом. Выход к кишлаку остальной части роты – на три часа ночи.

Кавун собрал офицеров.

– Мужики, у нас всего двадцать восемь человек, оставляем вам восемь бойцов. Со всех уходящих снять лишний груз, весь сухпай и фляги с водой оставить тут. Выложить побольше гранат, запас патронов, «мухи». Берем минимум боеприпасов, в разумных пределах, конечно, каждый выгружает от всего имущества половину. Уходим как можно тише и быстрее. На окраину кишлака придет броня к четверем утра. Если что случится, нужно будет продержаться минут тридцать-сорок. Час на сборы, и всем тихо спускаться на КП роты, заставу оставим тут, на моей точке. Растяжки, Серега, расставьте по всему периметру, сколько вам сидеть здесь – не знаю.

В три попрощались с заставой, Серега проводил меня напутствием:

– Ну, после моего неудачного выстрела жить будешь долго. Ха-ха.

Двинулись. Быстрее, быстрее. Охранение – метрах в пятидесяти, затем – остальные. Идем тихо, почти беззвучно, мешки и вещи с вечера уложили хорошо, чтоб не стучали и не гремели.

На окраине кишлака прозвучал одиночный выстрел, пуля с визгом отрикошетила от асфальта и улетела в темноту. Затем раздалась очередь. Поверх голов залегших на обочине бойцов роты просвистели пули, и донесся гортанный крик.

Капитан по цепочке свистящим шепотом передал:

– Не стрелять, в бой не ввязываться, тихо!

– Не стрелять... Не стрелять...

– Не стрелять... – прошептала как один вся цепочка.

– Кто их знает, сколько тут «духов», а может, это «царандой»? Обойдемся без перестрелки, – прошептал Иван.

Мы, как призраки, стелясь по земле, уползали на окраину кишлака. Сколько «духов» может оказаться поблизости? Вступать в бой нельзя. Рота отползала все дальше и дальше.

На шоссе послышался шум приближающейся техники. Техника подходила все ближе и ближе. Наконец из темноты из-за поворота вырвались яркие огни фар, БМП затормозили возле нас, пушки повернули к жилищам. Мы загрузились за пару минут по машинам, которые мгновенно развернулись и умчались. Как будто нас здесь и не было.

* * *

Наших бойцов заменили десантниками через неделю. Больше с этой стороны эрэсами город не обстреливали.

Пока мы прикрывали дорогу, третья рота, прочесывая местность, нарвалась на банду и потеряла убитыми двух солдат. Отходивших человек десять «духов» прямой наводкой накрыли танкисты.

А нам повезло: мы были как на курорте. Мелещенко остался жив и шел ко мне навстречу, широко раскрыв объятия. На нем была дурацкая панама, в которой он походил на пасечника. (Кличка Микола-пасечник надолго закрепилась за ним.)

– Никифор, шо было, шо было! Пока вы там тащились, мы воевали!

Проходящий мимо Кавун заржал, услышав возбужденный рассказ насмерть перепуганного Мелещенко.

– Вояка! Штаны сухие? Все в порядке?

– Насмехаешься! А бой был такой ужасный, вот я, попав в историю! Думал в Кабуле будэ спокойно...

Мы с Иваном вместе рассмеялись над его грустной физиономией. Не повезло человеку.

Дивизия уходила. Суэта закончилась, колонна за колонной мы выдвигались на дорогу. Батальон разбросали ротами для охраны тылов. Жарища стояла невообразимая. Пыль, поднятая техникой, окутывала нас, как одеяло, обволакивала, забивалась в глаза, нос, рот.

Афганские солдаты, бредущие мимо нас, в восторге глядели на начальника штаба батальона, майора Подорожника, величественно восседавшего на броне. Его усы топорщились в разные стороны и были каждый с банан средних размеров.

Проходивший мимо усатый афганский офицер остолбенел. Замер как вкопанный, затем что-то забормотал, округлив глаза, и поднял вверх одобрительно оттопыренный большой палец. Солдаты-афганцы окружили БМП и приветственно махали майору. Василий Иванович значительно и важно подкрутил усы и изрек:

– Бача! Вот когда такие же отразишь, воевать хорошо научишься. Переводчик, переведи!

Сержант-таджик перевел, наши союзники одобрительно заулыбались.

– Карашо, командир, – произнес восхищенно афганец и, помахав рукой, пошел дальше.

Гордый начальник штаба оглядел неподвижную технику нашей роты и дал команду начать движение. Лязгая и скрипя железом, техника ползла по грунтовке к Кабулу. Добравшись до асфальта, колонна двинулась быстрее и веселее. Снаряды расстреляны, продукты съедены, топливо истрачено – ехать легко.

Я с интересом разглядывал местность. В этой дикой, богом забытой стране мне предстояло выживать два года, если повезет. Небольшие обработанные поля вокруг глиняных домов и всюду глиняные дувалы (заборы), огораживающие плохо ухоженные сады. Виноградники вокруг кишлаков. Время от времени мы проезжали мимо разбитых домов с провалившимися крышами, разрушенными дувалами, а вдоль дороги валялись сгоревшие КамАЗы, ГАЗы, ЗИЛы, БТРы, что наводило на грустные мысли. Сколько жизней оборвалось и с той, и с другой стороны?..

* * *

К вечеру, когда техника стояла в парке, оружие сдали в оружейку. Помылись в контейнере, изображавшем душевую. Меня позвал старшина Гога Веронян:

– Никифор, зайди, ждем тебя.

В каптерке сидел ротный, на столе стояла бутылка коньяка «Арарат», немного закуски.

– Давай по сто граммов выпьем за успешное возвращение. Ты в рубашке родился. Ротный сказал: Грошиков чуть не застрелил тебя. Дурак чокнутый. Мудак – что с него возьмешь.

– Старшина, я, сам знаешь, после гепатита, печень надо беречь, наливай граммов пятьдесят, а Нику – полную рюмку.

Старшина плеснул в стеклянный стакан армянской «огненной воды».

– За боевое крещение и чтоб так было каждый раз, оставайся живым! – изрек тост Иван.

Старшина налил нам по второй, сам вторую пить не стал.

– Теперь за замену! – и Ваня хряпнул по второй. Старшина быстро налил чуть-чуть и тоже выпил. Я засмеялся:

– Что, до замены немного?

– До февраля, а в худшем случае – до апреля.

– Сглазить боишься? Ротный усмехнулся:

– Да что с ним в каптерке будет? Разве что матрасами завалит.

Прапорщик начал горячиться и быстро трещать, захлебываясь от возмущения.

– Ванья! Я что, никогда не ходил с вами? Я ходил, а кто из старшин ходит? Никто. Работы сколько! Имущество все никак не списать. После капитана Беды столько осталось хвостов еще, а тебе ведь роту сдавать.

– Да, ладно, не верещи, главное, чтоб у меня с заменой проблем не было. Без тебя как-нибудь обойдемся. Хотя и трудно мне с вами. Взводные все новые, замполит только пришел, техник – «стакан», а зам – «контуженый». А до замены ты, Ники, должен меня оберегать. Дома дочка и жена ждут. Хорошо бы каждый раз так спокойно обходилось.

Джалалабадская операция

Целую неделю проводились занятия по натаскиванию молодых солдат, подготовка их к боевым действиям. Механики и наводчики-операторы готовили БМП: заряжали боекомплект, проверяли и ремонтировали ходовую часть и движки.

Как-то утром командир полка срочно собрал всех офицеров.

– Товарищи офицеры, послезавтра – выход в Джелалабад. Полк там еще не был, район новый для нас, задачи будут известны только завтра, сегодня получить карты и готовиться к выходу. Начальникам служб – обеспечить всем необходимым, пополнить боезапас, продукты получить на трое суток, составить списки убывающих и подать в штаб.

Началась суэта. Солдаты, как шустрые муравьи, стали таскать туда-сюда мешки, коробки, вещи, боеприпасы. Составили списки, подали в штаб. Получили команду разбить роту по восемь человек для десантирования вертолетами.

Второй замполит полка, по кличке Муссолини, вызвал всех своих подчиненных к себе.

– Получить листовки для распространения среди местного населения, агитационные ракеты (в них тоже листовки); выпустить боевые листки, назначить актив и подать списки актива, провести собрания, инструктажи.

Какой бред! Зачем эти боевые листки? Сам-то, наверное, соображает, что это маразм. Отрывать людей сейчас от дела собраниями, стенгазетами... Если я попытаюсь сделать пятую часть из того, что сказано, ротный и офицеры пошлют подальше. За выполнение третьей части я б на их месте дал в морду, а за претворение в жизнь всей программы можно бы и пристрелить. Главное – это не нужно никому, в том числе и самому Мусалиеву. Затем «комсомолец», парторг и «пропагандист» добавили свои умные распоряжения.

Мелентий Митрашу, зам. командира второй роты, как более опытный, возмущался меньше всех.

– Мужики, меньше сотрясайте воздух: он сам понимает, что в наших глазах он мудака, но ему ж тоже такую же ахиною рекомендуют начальники. Пойдем лучше пообедаем, да вовремя доложим о сделанном. Обед – главное дело на войне. Я в Панджшерской операции в прошлом году наголодался. Привезут солдат, а уже через месяц почти все в госпиталях – заболели. Дистрофия и гепатит. Один солдат из вертушки выбрался, мешок тяжелый, автомат, еще много всего на него навешано, а лезть по крутой горе метров восемьсот. Снизу вверх посмотришь – голова кружится. Так вот, этот боец-писарь сразу ствол в рот и на спусковой крючок нажал – слизняк. Решил лучше сразу смерть, чем мучения смертельные без конца и края.

Так вот, когда от истощения умерли несколько человек, прибыла медкомиссия из Кабула, всех с гор спустили к броне и давай рост мерить да вес. А я исхудал, форма оборванная была, без знаков различия и звездочек, х/б на мне еле висело. Встал на весы – 65 килограммов, а рост – 189 сантиметров. Медсестра врачу говорит: «Дефицит веса двадцать килограмм». Врач как засуетился. Скорей в госпиталь! В вертолет его! Как фамилия солдата? Старший лейтенант Митрашу, говорю, Мелентий Александрович. Зам. комроты по политической части. Полковник-медик череп почесал, похмыкал и изрек: «Вообще-то страшного ничего нет, все в пределах нормы, возвращайтесь в роту». Вот так-то, такие дела. А как хотелось на белых простынях поваляться, поесть, отоспаться, медсестру обнять какую-нибудь. Поэтому еда в нашей жизни – задача первостепенной важности.

– Ну, тогда пойдем «почуфаним», – подытожил Мелещенко.

– Пойдем поедим, – поддержал его оду тревоугодию Мелентий. – Вообще от сильного напряжения и стрессов у солдат слишком часто крыша съезжает. Эх, в той Панджшерской операции я был совсем зеленым, только из Союза приехал и попал во второй батальон. Он

тогда тоже был рейдовый, это потом встал в Баграмской «зеленке» по заставам. У одного бойца мозги с катушек слетели – бросил мешок и пошел в долину к «духам». Ротный попытался его остановить, успокоить, догнал, а тот молча автомат наставил ему в живот и дал очередь. Мы все были гораздо выше, быстро спустились, перевязали командира, выносить стали на площадку для приземления вертушки. Смотрим, а солдат уже в долине и убегает все дальше и дальше. Навели на квадрат артиллерию и ударили «Градами». Реактивные снаряды легли хорошо, кучно. Позже тело подобрали и в Кабул вывезли, списали гниду на «духов». А ротный выжил, кишки малость укоротили, но выжил. Только в Афган он уже не вернулся. Эх, хороший был командир. Душевный.

– Мелентий, а как ты в наш батальон попал? – поинтересовался я.

– Ты про Масленкина слышал?

– Слышал, что погиб парень. Часто все его вспоминают, намекая на какую-то трагедию, но толком никто ничего не говорит.

– История такая. В декабре прошлого года он прибыл, а в январе через месяц операция проводилась в Пагмане.

Спустился Масленкин в кишлак с десятью солдатами за водой. Дело темное, как было на самом деле – никто не знает. Ротный доложил, что разрешил за водой спуститься, а кто говорит, что сам надумал в кишлак сходить за барашком: сержанты упросили. Вообще до кишлака было далеко, и пространство было не простреливаемое с гор, совсем неприкрытое. В долине нарвались на «духов». Патронов с собой взяли мало, только то, что в лифчиках, а некоторые были с единственным магазином. Батальон был разбросан далеко по задачам. В роте взвод от взвода находился на большом расстоянии. Один сержант только и уполз по арыку, отстреливаясь, остальных постреляли и порезали. Лейтенанту мошонку на лицо натянули и член в рот вставили. Кишлак мы через неделю отбили, тела вытащили, дома все с землей сровняли. Но кому от этого легче? Солдат изуродовали, но Масленкину досталось хуже всего. Так-то. Опыта не было: первый раз шел в рейд. Поэтому, парни, повнимательней будьте, не лезьте туда, куда собака свой конец не сунет. Набирайтесь опыта. Убивают всегда новичков. Выдержал вначале, приноровился – будешь жить. Повоюешь, и заменят.

Вот такие невеселые истории поведал Мелентий Александрович перед боевыми действиями, зато поучительные.

* * *

За продовольственными складами разместили площадку для вертолетов. Вертушки я раньше видел в основном только в кино, а в Афгане летал один раз становиться на паргучет из Кабула в Баграм.

Задачи ротам поставили уже на площадке. Секретность! Отметили точки на картах, разбили нас для десантирования по восемь человек. Через три часа ожидания появились вертолеты, и началось... Посадка – взлет, посадка – взлет... пыль, песок. Посадка – взлет. Батальонный разведвзвод разделили пополам, одна половина – со мной.

Посадка. Ветер раздувает волосы, глаза запорошило пылью. Наклоняясь до земли, бредем к открытому люку.

Взлетели, а парашютов-то нет! Глянул вниз с замиранием сердца – земля все дальше и дальше. Страшно. Люди не видны, летим высоко. Постепенно наступило успокоение, и мысли приобрели философское направление.

Собьют? А может, нет. А если и собьют, может, сядем? А если погибнем? Ну не сейчас же, ведь могут убить в любой момент (погибают и в мирное время: машиной задавит, кирпич на голову, инфаркт).

Ладно, чепуха все это. Вон, даже опытные солдатики хоть и бравируют, но заметно нервничают.

Батальон впервые десантировался на вертолетах.

Разведчику Гостенкову места на лавке откинутого сиденья не хватило, и он развалился на днище, вытянув ноги. Весь обвешанный и обмотанный лентами, в тельняшке, обняв ПК, он был похож на матроса-анархиста.

Постепенно началось снижение.

Вертолеты один за другим на бреющем полете стелились по изгибу речушки в ущелье. Вдруг вертушка оказалась над широкой долиной, похожей на зеленый остров между угрюмыми серыми скалами.

Внизу шел бой, и мы, высадившись, сразу же втянулись в него. Откуда били по нам, было не ясно, мы же стреляли во все стороны от площадки. Под прикрытием шквального огня батальон занимал позиции, расплзаясь все шире по долине.

Ротный веселыми воплями встретил меня.

– Ну, что, рэйдджер! Впереди «духи» уходят по ручью. Человек десять уже ускакали на лошадях. Прямо как в кино «Белое солнце пустыни». Кто только будет Суховым? Наверное, комбат. И где, черт возьми, Верещагин с пулеметом! Ха-ха.

Минометы били вглубь «зеленки», стреляли без треног с руки, толком не зная, куда, а пехота понемногу ползла вперед – от куста к кусту, от бугра к бугру, от камня к камню. Пули свистели, рикошетили от булыжников. Попались по пути первые трупы животных и бородатых «духов».

А у нас в батальоне – раненые. Опять раненые во второй роте. Кого-то унесли в приземляющиеся вертушки. Одних – сюда, а других – уже обратно.

Вот полк весь уже здесь. Разведбат и восемьдесят первый полк расположились по гребням ущелья. Десантники где-то рядом, за перевалом.

Проползли открытое пространство и скорее в кишлак, который уже трясет разведка. Несколько «бородатых» валяются в овраге на краю кишлака. Эти уйти не успели и бились до последнего патрона.

А что же я? Второй бой, и никого не завалил, толком «духов» и не видел. Стрелял куда попало, впрочем, как и вся остальная рота.

Комбат Василий Иванович вызвал Кавуна, и вскоре тот вернулся хмурым и озабоченным.

– Ну вот, попали в переделку, черт. Тут «духов» больше, чем нас, раз в пять. Нога «шурави» никогда не ступала на эту помойку. Тебе задача – берешь трех бойцов и вон за крайним жилищем на горке занимаешь оборону. Ночью не спать. Ты в боевом охранении от нашей роты. Вот тут и тут будут от второй и третьей роты заставы. Не постреляйте друг друга. Бери людей из второго взвода. Ну, удачи! Костры не разводите! Маскироваться.

– Когда выходить? Пожрать бы, – вздохнул я.

– Выходить сейчас, а то совсем стемнеет. Скорее. На месте осмотришься. Поедите в дозоре холодные консервы. Быстрее бери солдат.

Тропинка вилась между заборов, выложенных из камней, все круче и круче, все выше забиралась моя группа.

В сумерках выбрались на вершинку. Кишлак как на ладони, все в нем шевелилось. Огни, дым, суета. А мы жевали сухари и холодную кашу с мясом, вернее с присутствием мяса.

Солнце рухнуло за горы, и темнота навалилась, словно нас укрыли темным одеялом. Подул ветер, свежесть перешла в прохладу, которая сменилась мерзкой сыростью. Постепенно и я, и бойцы замерзли, не согревали и бушлаты. Вот так-то. Конец августа – днем

жара, а ночью холод собачий. Как говорится, из огня да в полымя. У меня бушлата не было, не взял по неопытности, поэтому накрылся расстегнутым спальным мешком.

Всю ночь мы дрожали на ветру, а утром выпала роса, так еще и промокли.

С рассветом спустились к своим злые, как черти. Но поспать и погреться не удалось. Командир полка ревел, как разбуженный медведь-шатун, и разгонял подразделения по задачам. Я поздоровался с нашими офицерами и тут же занял свое место в хвосте колонны. Ротный велел подгонять всех отстающих, и мы вместе с санинструктором побрели в замыкании. Бандера шел, как всегда, бурча и ругаясь тихо себе под нос.

Цепочки солдат растянулись во все стороны, роты выходили на задачи. Где-то впереди по ущелью била артиллерия, в небе кружились вертолеты и с высоты посылали куда попало «нурсы». Зачищали для нас район. Как далеко предстоит идти! Полдня рота ползла по горам, жарясь под лучами жестокого солнца. Грязь, пыль, пот. Солдатские х/б быстро пропитались им насквозь: больше всего тяжелого вооружения у расчетов. Особенно мешают движению навешанные на мешки ленты к пулеметам, мины к минометам и «мухи». Первый час я шел налегке, но постепенно, когда молодежь начала сдавать и выбиваться из сил, нагрузил на себя, что мог. Сначала повесил на шею ленту к пулемету, затем взял чей-то гранатомет. Расстрелять бы их куда-нибудь и выбросить. Да пока не в кого. И так несколько часов вверх-вниз.

К обеду добрались до убогих полуразрушенных артиллерией домов. Привал! Какое счастье!

– Офицеры, ко мне, – крикнул озабоченно Кавун. – Отцы-командиры! Задача: повзводно прочесываем местность, ищем оружие и боеприпасы. Нам придаются саперы, самим никуда не лезть. Вот с нами работает командир саперов – старший лейтенант Шипилов. Опытный офицер – опыт отражен на физиономии, – заулыбался Кавун. – Выполнять при поиске и разминировании его указания. Инструктируй народ!

Плотный, с квадратным лицом сапер действительно имел внушительный вид. Подбородок был рассечен глубоким шрамом, такой же шрам пересекал щеку, а лоб и нос были испещрены следами осколков. Лицо багровое то ли от ожога пороховым зарядом, то ли от постоянного обветривания. Коренастый, широкоплечий – настоящий мужик.

– Господа офицеры! Если не хотите иметь рожу как у меня и вообще хотите иметь лицо и руки, то никуда не лезьте. Рыть землю носом будут саперы, а вы их охраняйте. Ну, и помогайте выносить, если что найдем.

– Да, вот еще что – таскаем все сюда. Здесь и площадка хорошая для вертолетов, если будет что вывозить – вывезут. За работу! – скомандовал ротный.

Вскоре появились первые результаты. Шипилов оказался мастером своего дела. В тайнике в камнях обнаружил цинки с патронами, ящик с гранатами. В сарае первый взвод обнаружил ДШК и больше сотни выстрелов (зарядов) к гранатометам и безоткатному оружию, несколько сотен ящичков патронов к пулемету, больше сотни мин «итальянок». В еще одной хибаре оказался миномет и сотни мин к нему. На наши доклады в ответ был слышен радостный визг комбата и комполка.

И тут нам повезло по-царски. Солдаты нашли склад спальных мешков, очень легких, хотя и не очень теплых, поролоновых, а не пуховых, как у меня и ротного. Но это была огромная удача. Двести спальных мешков, склад с продовольствием, склад с медикаментами! Горы трофеев все росли и росли.

Вскоре к нам спустилась группа с КП полка, и, набрав спальных мешков для штаба, все, очень довольные трофеями, удалились. Пришли такие же ходоки с КП батальона и из других рот, нагрузились продуктами, спальниками. Санинструкторы выбрали таблетки, порошки, бинты. Явился медик-прапорщик Айзенберг по кличке Папа со своими санитарями. В куче медикаментов лежали сотни пакетов итальянского кровезаменителя. Наш был разлит в пяти-

сотграммовые стеклянные банки, часто бился и разливался, да к тому же, вливая его, необходимо было емкость держать на весу.

– Смотри-ка, как хитро придумано. – Почесал задумчиво затылок прапорщик. – Иглу втыкают в живот, а пакет – под зад или под спину, жидкость и поступает, постепенно выдавливаясь. А мы, как мудаки, должны стоять с банками под обстрелом.

– Да, они раненому «духу» втыкают один пакет с иглой и оставляют еще несколько в запас. Бросят «духа» в пещере или травой закидают и уходят. «Душок» оклемается, отлежится днем, а ночью, если выживет, его забирают или уползет сам, – включился в разговор Степан. – Мы в Панджшере одного такого нашли, весь пакетами обложен. Ему не повезло, никакие лекарства не помогли. Скончался от второй порции моего свинца. Да и Васька весь магазин в него всадил за шестьсот восьмую уничтоженную БМП, за сгоревших ребят.

Степан грустно вздохнул и закурил.

– Степа, ты у нас не скорой помощью работаешь, а патологоанатомом, – улыбнулся Кавун.

С КП полка по тропинке примчался авианаводчик с охраной и принялся сажать вертолеты.

Через полчаса прилетела первая пара Ми-8, и вертолеты сели на разные ярусы возделанных полей. Солдаты, как муравьи, забегали и быстро заполнили их трофеями. Затащили ДШК, несколько запасных стволов к нему, цинки с патронами, миномет и несколько старых винтовок «Бур» с патронами. В небе тем временем кружили два Ми-24 и осуществляли прикрытие. Пара вертушек, загрузившись, взлетела, и на их место села следующая. В них принялись грузить мины-«итальянки», снова патроны, ящики с гранатами. Когда приземлилась следующая пара, из вертолета выскочил борттехник и направился к нам.

– Командир, что будем вывозить? Что грузить?

– Вон еще цинков сто к ДШК, штук сорок выстрелов к РПГ к «безоткатке», РС штук сорок, мин штук столько же.

– Черт! Сколько же вы нагребли этого барахла?

– Да уж немало!

– А что-нибудь повкуснее?

– Что у нас вкусенького? Ящик печенья, бочка варенья. Но мы, «мальчиши-плохиши» и ничего этого не дадим!

– Братцы! Ну правда, что-нибудь подарите, чего не жалко.

– Ладно, у нас есть десять мешков муки и пять мешков сахара, мешки с рисом, ящик чая. Но носите все это сами.

К вертолету потянулась вторая цепочка, но уже из вертолетчиков. Забрав половину продуктов, вертолетчики улетели.

Третья пара вертушек прилетела через полтора часа, но загружать боеприпасы никто не стал. Затащили мешки и ящики, затем – медикаменты и спальники, те, что батальон не разобрал по ротам.

На прощание все тот же шустрый борттехник подбежал и пожал нам руки.

– Спасибо, ребята! Ох и порадуетесь эскадрилья сегодня! Все, что осталось, подрывайте. Больше не прилетим.

– Что, брагу будете делать? – улыбнулся Голубев.

– И брагу тоже. А то спирт кончился. До встречи. Если что, вызывайте!

И вертушки умчались.

Штук сорок цинков с патронами остались валяться на земле, еще десятка три мин, выстрелы к «безоткатке» и эрэсы, а солдаты все продолжали носить на КП роты из развалин боеприпасы.

– Что с этим всем делать будем? – поинтересовался Шипилов.

– Крот! А ты прекрати рыть землю носом, – огрызнулся Кавун.

– Капитан! Я же не нарочно. Боеприпасов, как грибов в тайге. Я столько никогда в жизни не видел. Так как проблему решаем?

– Как? А ты как предлагаешь?

– Я предлагаю: все пороховые заряды высыпаем в эту кучу мин, цинки вскрываем и патроны рассыпаем туда же, подожжем, пусть стреляют. А снаряды, эрэсы, гранаты складываем в избушку, самую крепкую. Я их в ней и подорву, когда будем уходить. Пусть в космос летит!

– Давай, крот, действуй, руководи! – согласился ротный. Солдаты сложили все, что осталось, в кучу, снарядами наспиговали самый крепкий дом, начали собираться отходить в горы.

Бойцы распотрошили ящики, тюки, коробки, набивая вещмешки чаем, сахаром, рисом и выбрасывая консервы с кашей.

– Степан! Что за чай? – поинтересовался я.

– О, это такая изумительная вещь. Самый замечательный, настоящий! – ответил сержант.

Я зачерпнул горсть мелких темно-зеленых горошин величиной с черный перец.

– Эти шарики – чай?

– Чай! Потом сварим, увидите и попробуете.

Все, что не смогли нести, рассыпали и сожгли. Степан тщательно растоптал два мешка лекарств – этого всего не забрать, тяжело.

Рота двинулась в горы, а внизу остались лишь три сапера и Шипилов.

Вскоре взлетел на воздух дом со снарядами, затем загорелась куча с патронами и минами. Треск выстрелов, разрывы патронов и гранат раздавались часа полтора, пока мы шли на точку для ночевки. Саперы догнали роту на гребне холмов и разместились вместе с нами на ночь. Все вымотались за день, и солдаты с большим трудом смогли нести охранение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.